

Лев Наумов

КОРЕМЬ СНА

Величайший открытый вопрос
науки — в чем смысл сна.

Аллан Рехтшаффен

Лев А. Наумов

Пловец Снов

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66877008

Л. Наумов. Пловец Снов: ООО «Издательство «Омега-Л»; Москва; 2021

ISBN 978-5-370-04779-4

Аннотация

Казалось бы, мир метафизического Петербурга давно и подробно освоен литературой, но роман Льва Наумова «Пловец Снов», находящийся на стыке магического реализма и русского символизма, показывает, что его пространство всегда ново и незаурядно. В этом произведении можно обнаружить черты остросюжетного детектива, литературоцентричного философского размышления, леденящего кровь хоррора, даже романтической драмы. В любом случае история о том, как модный писатель, автор востребованных книг, решает одну из центральных проблем современной культуры – почему люди перестали читать? – вряд ли кого-то оставит равнодушным или покажется кому-то неактуальной.

Содержание

1	5
2	28
3	52
4	74
5	99
6	116
7	131
8	146
Конец ознакомительного фрагмента.	150

Лев Наумов

Пловец Снов

© Наумов Л. А., 2021

© Издание, оформление. ООО «Издательство «Омега-Л», 2021

* * *

За приют, тепло и поддержку в дни работы над этой книгой автор благодарит

Международный дом писателей и переводчиков (*Вентспилс, Латвия*)

Имение Ингмара Бергмана (*Форё, Швеция*)

Особняк князя Шамони (*Северная Голландия, Нидерланды*)

1

«Точка!» – внезапно раздалось в комнате. Эхо повторило звучное слово ещё как минимум дважды, будто оно стремглав вбежало, влетело, ворвалось в помещение и, пару раз ударившись об стены, без остановки умчалось прочь. Словно кто-то решительно и звонко выплюнул в стакан вишнёвую косточку. Впрочем, со стороны могло показаться, что Георгий выкрикнул его сам, но засвидетельствовать это было некому. Он сидел один в комнате, откинувшись на спинку недорогого офисного стула. Довольный, Горенов глядел в экран ноутбука. Его руки бессильно свисали вниз. Видимо, он здорово устал. Создавалось впечатление, будто конечности удлинились и едва не касались пола. Однако в их немошном покачивании не было отчаяния. Они висели торжественно, как флаги тронного зала.

Сам Георгий определённо стал бы настаивать, что слово произнёс кто-то другой, угадав, а точнее предопределив тот самый момент, когда он решительно нанесёт вожаделенный последний удар по клавише, объединяющей триумфально провозглашённую точку с запятой, косой чертой, а также совершенно неуместным в данном случае вопросительным знаком. Это принципиальный момент, поскольку ему, как и многим другим авторам, важно было не сомневаться, что всякий раз, когда он берётся за своё дело, то оказывается

перед светящимся экраном не в одиночестве. Будто с ним рядом неизменно находится некий невидимый и, возможно, великий спутник, который диктует. А если диктует, то какие могут быть вопросы?.. Сказано – пиши. Впрочем, вопросов всегда возникало множество, но вера в том и состоит, чтобы не сомневаться в ответах, выбранных порой наугад, по наитию, по привычке или в лучшем случае по традиции.

Слово «точка», произнесённое невидимым Кем-то и услышанное лишь Гореновым, звучало ликующе, с отскоком, словно перед ним стоял не ноутбук, а пишущая машинка. Как команда, обращённая ко всему существу, после чего мир вокруг озарился светом полной чёрной луны, взошедшей в конце последней строки.

Как долго автор ждал её! Сколько отчаяния вызывала боязнь того, что она так и не явится, а значит, весь путь сквозь сонмы букв окажется унизительно бессмысленным издевательством над собственной природой. Писать всё-таки, как ни жаль, дело противоестественное. Человек, проводящий много времени в сидячем положении, согнув шею, активно двигая только пальцами, наживает себе массу болезней. Невзирая на количество увлечённых этим занятием людей, эволюция отказывается делать шаг им навстречу, как когда-то она помогла, например, с прямохождением. В результате «человеки пишущие» с годами перемещаются в поликлиники и больницы.

Но всё это не так важно. Сейчас Георгий был счастлив и

доволен собой. Он вывел свою книгу из бухты первой, надутой, словно парус на мачте, буквы «Р» и теперь вошёл на ней в порт заключительного знака препинания. Откуда все эти флотские сравнения? Просто всякий раз, когда в его жизни происходило что-то важное, он обязательно вспоминал о море. Думал о нём как о возможной, предначертанной, но не случившейся своей судьбе.

Горенов родился в Таганроге. В большинстве воспоминаний детства отец носит китель, словно нет никакой другой одежды. «Папа, можно я кортик возьму?» Они с матерью хором: «Только осторожно...» После этого отец добавляет: «Не урони». Игрушечные кораблики – одноцветные непотопляемые пластмасски и очень красивые реалистичные модели, которые следовало сначала долго собирать, а потом беречь от воды.

Казалось, всё чётко и грамотно написано на роду. Откуда взялась в его судьбе эта маленькая квартира в Адмиралтейском районе? Детство и отрочество в Таганроге, юность в Ростове, мореходное училище, потом опять Таганрог, свой собственный китель, свой кортик... Сына у Георгия так и нет. Ну, разве что близость Адмиралтейства можно было предугадать.

Слово «моряк» не везде значит одно и то же. В Севастополе это гордый титул, но когда Горенов с товарищами шли по родному городу, чаще они слышали вслед: «О, гляди-ка, „поплавки“ шагают». А в детстве почему-то все уверены, будто

«моряк» везде звучит по-севастопольски.

Это казалось странным, но в годы службы, возвращаясь из плаваний, он радовался вовсе не так, как сейчас, сидя в промозглom городе за неприятным столом из шведского магазина. Неплохо было для разнообразия ступить на твёрдую землю, обнять жену и крошку-дочь, но тогда Георгий ни секунды не сомневался, что вернётся домой. Благодаря современным приборам выживание в море перестало быть вопросом жизни и смерти, не зависело в той же мере от благосклонности Фортуны, доброжелательности Посейдона, внимания Господа или сделки с дьяволом. А вот допишет ли он текст? Поставит ли вожделенную, продиктованную высшим телеграфом точку? Горенов бы не поручился, потому радовался, словно капитан XVIII века или даже как средневековый мореплаватель, когда мир ещё оставался загадкой, а далёкие земли только ждали своих первооткрывателей. Он был Колумбом, приплывавшим не туда, куда собирался, но ликовавшим, будто именно вожделенная цель достигнута. Георгий был и Магелланом, пожертвовавшим девятьюдесятыми своего экипажа, лишь бы добраться до суши. Да что там, он ощущал себя Одиссеем, годами сражавшимся за своё право существовать! И вот, наконец, Горенов сошёл на берег Итаки.

В Таганроге ему тоже казалось, что греческий скиталец совсем рядом: Керченский пролив, Босфор, Дарданеллы да ещё несколько тысячелетий. Теперь же он был ещё ближе.

Георгий высоко ценил порядок, потому и книги дома расставлял по алфавиту. Гомер, затем ещё несколько томов и, наконец, Г. Горенов. Его радовала мысль, что по тому же принципу издания сортировались в библиотеках, магазинах, на складах. Значит, они с Одиссеем действительно соседи.

О чём только не заставила его задуматься одна-единственная точка. Пусть сегодня предстояло водрузить ещё немало таковых в письмах электронной почты и других текстах. Вероятно, несколько штук придётся поставить от руки на клочках бумаги и в блокноте. Да, совсем забыл, много раз нужно будет изобразить крошечные кругляшки на форзацах и первых страницах собственных книг, которые он будет подписывать вечером. Но именно эта останется особенной.

Вообще говоря, суть своей работы Георгий видел именно в том, чтобы правильно и вовремя ставить точки, тем самым доводя последовательность букв до завершения. Иначе слова можно длить и длить, без конца и смысла. Такая позиция – «точка зрения» – тоже вытекала, словно река, из его пристрастия к порядку. Конечно, другие терминальные знаки препинания также подходили, чтобы обрывать предложения, однако они зачастую несли эмоции, которые совершали излишнее насилие над значением слов. Все эти восклицания, вопросы... А уж чего он совсем не терпел, так это трёх точек подряд.

О названии только что законченного сочинения говорить непросто. То ли Горенов всё ещё не мог его выбрать, то ли

определиться было принципиально невозможно, то ли по каким-то ещё причинам, но даже сам автор пока предпочитал именовать свой труд условно – «книгой G». Звучит в духе архаичных богословских традиций. Интуитивно ясно, что здесь ему нужна была буква из какого-то другого алфавита, не из кириллицы. Но почему именно G? Связано ли это со словами «god», «gloria», «grazie»? Остаётся лишь гадать. Хотя для Георгия скорее значение имело начертание: литера напоминала гиппократову чашу... или смертоносный хвост скорпиона.

Впрочем, сейчас Горенов волновался вовсе не из-за названия. Всё казалось таким удивительным! Он написал немало книг, но в данный момент его наполняли какие-то новые чувства. Прежде не возникало трудностей с выбором того, что будет значиться на обложке... Вдобавок, как правило, он никому не давал читать свои рукописи до того, как они выйдут из типографии, но впервые такое решение вызывало тревогу, неуверенность, сомнения... Наверное, действительно точка была особенной. В ней – его радость, его ключевой аргумент в споре об осмысленности бытия.

Георгий был настоящим писателем от природы или, возможно, даже от Бога. По крайней мере, с определённого момента – незадолго до переезда в Петербург – он принялся убеждать в этом себя, природу и всех окружающих, включая отдельных издателей. То, что убеждать, в общем, удавалось, подтверждает небезосновательность его претен-

зий. При этом морское прошлое становилось не контраргументом, а, напротив, дополнительным доводом и стимулом. Ведь он попытался найти себя в самом прекрасном, что снилось ему с детства. За годы службы море щедро наплатило его своими дарами – восторгом красоты, ощущением мужественности, радостью свершения... Оно давало ему то же, что любимая женщина. Вот только любить – это не работа и тем более не профессия. Любить – это судьба. Самое прекрасное из проявлений природы не приносило чувства удовлетворения и осмысленности. Потому решительным шагом Георгий перечеркнул всё, что, казалось, было суждено ему и его домочадцам.

Впрочем, кое-что изменить не удалось. И Таганрог, и Петербург были основаны Петром I. Это не просто города, а воплотившиеся фантазии, ожившие сны бушующего царя. Один вырос в первую военно-морскую базу России. Другой, основанный пятью годами позже, положил начало всему. На Таганроге император опробовал европейский метод строительства по регулярному плану и в Петербурге воплотил его в совершенстве. Но Таганий Рог – место с мощной духовной историей. Тут находили едва ли не древнегреческие артефакты. Воли Петра, сколь бы значительна она ни была, не хватило, чтобы переломить это, превозмочь, затмить. Его роль не отлилась в названии. Таганрог оставался Таганрогом всегда, и в царские времена, и в советские. Петербург же был создан из ничего. Город вырос нигде, на не приспособлен-

ном для этого месте. Город вопреки.

А двенадцатичасовой залп он подхватил у Севастополя. Любимое детище царя будто впитало всё, став квинтэссенцией русского морского оплота. Впрочем, не только русского, сколько здесь из Голландии, Италии, Англии, Франции...

Неожиданно для себя Горенов открыл и принялся обдумывать эти обстоятельства спустя несколько лет после переезда. Однако вскоре стало понятно вот что: ему хотелось жить необычной, выдающейся жизнью, отличаться от окружающих. В Таганроге он попал на флот, как подавляющее большинство его знакомых. Но и в том, чтобы числиться литератором в Петербурге, оказалось мало оригинального.

Что такое быть писателем? В XIX веке это значило принадлежать к некой особой касте, обладать прекрасным образованием и передовой способностью суждений. Спустя два столетия ситуация изменилась кардинально. Словесность более не играла в обществе той роли. В глазах людей, далёких от литературы, новость о том, что перед ними стоит сочинитель, вызывала спектр эмоций в ассортименте от недоумения до сочувствия. Сочувствие преобладало. Положим, способность производить впечатление на женские сердца частично сохранялась, но в остальном... Писателя-небожителя более не существовало. Дистанция между авторами и читателями сократилась сначала до нуля, а потом «потребитель литературы» оказался в более влиятельном положении. Мода и потребности рынка теперь диктовали то, что раньше от-

ражало несколько менее сиюминутные процессы – веяния времени, шёпот истории или волю автора.

Георгий знал это очень хорошо и нередко удивлялся тому, как многим его коллегам удавалось думать, будто с упомянутых благословенных времён – так называемого «золотого века русской литературы» – не изменилось решительно ничего. Однажды он стал невольным свидетелем разговора на некоем писательском мероприятии. Один пожилой автор мечтательно признавался другому:

– Когда я тебя читаю, то всякий раз думаю о Толстом...

Вопроса о том, который Толстой имеется в виду, возникнуть не могло, поскольку исключительно Лев Николаевич был достоин упоминания в этом кругу. Тем не менее после услышанного выражение лица собеседника стало сложным. Чтобы не обидеть товарища, первый торопливо добавил:

– ...но не будем сравнивать, у тебя – своё... Конечно, своё...

Главное здесь – та самая гримаса. Имелись в ней штрихи польщённости, можно было решить, будто коллега тронут. Но в то же время присутствовала очевидная нота обиды и оскорблённого достоинства.

В те времена Горенова это ещё удивляло. Неужели уровень серьёзности отношения к себе был таким, что в подобных словах второй мог увидеть что-то, кроме иронии? Впрочем, трудно уловить иронию там, где её нет. Первый не шутил хотя бы потому, что точно такие же слова мог-

ли прозвучать и в его собственный адрес. Беседа шла между двумя полностью взаимозаменяемыми в литературном и бытийном отношении людьми, походившими друг на друга даже внешне: пузики, обтянутые свитерками, очки, небольшие бородки – не толстовские, скорее тургеневские – милые домовитые и ревнивые жёны, уверенные, будто их супругов было к кому ревновать, поскольку облако похоти непреходящий спутник исполинского таланта, дети на филфаке, вечно ломанные зонтики... Этим писателей ничего не стоило перетасовать и выдавать друг за друга, если бы не два обстоятельства: в устной речи один частенько путал слова «графоман» и «граммофон». Через него последняя вокабула вошла в обиход Георгия, обозначая автора, преобразующего выпитую массу водки в речевые потоки. В каком-то смысле это понятие противопоставлялось «графоману», то есть человеку, тяготевшему к безудержному письменному изложению. Другой же отличался тем, что во время собственных выступлений, читая свои тексты, нередко пускал скупую мужскую слезу, восхищаясь мастерством автора. Было здесь что-то трогательное и важное, сродни пушкинскому «ай да сукин сын», которое, в свою очередь, сродни божественному «увидел, что это хорошо», потому Горенов никогда над этим не иронизировал.

Имелось множество подтверждений весьма своеобразного отношения писателей к действительности. Например, один автор долго себя нахваливал, очерчивая необозримые

границы собственного творческого архипелага, а когда Георгий уточнил, сколько же у него в конечном итоге книг, то услышал недовольный ответ: «Дружочек, бывают тексты опубликованные, а бывают готовые. Так вот, у меня восемнадцать готовых романов!» Выяснилось, что напечатаны только два из них, да и то за счёт самого возмущённого оратора, ни секунды не сомневающегося в собственном литературном величии. Иногда Горенов завидовал такой уверенности...

Чем эти авторы не готовые герои книг? Даже «доделывать» ничего не надо. Георгий давно обратил внимание, что многие писатели стали бы весьма колоритными персонажами. Словно стоило человеку впустить литературу в свою жизнь, как она заполняла повседневность, будто вода, и всё теперь казалось в ней не таким уж случайным, проступал некий если не смысл, то умысел. Жаль, что подобные действующие лица нужны были только в определённых, не самых востребованных жанрах. Горенову они не пригодились. Читателей более интересовали поверхностные любовные истории, а редкий литератор подходил на роль мачо. Спросом также пользовались примитивные детективы, но из гуманитариев получались скверные преступники и неумелые убийцы. Георгий пробовал, поскольку книгами в этом жанре, пусть вопреки собственным желаниям, и промышлял.

Горенов был автором успешным так как, с одной стороны, обладал способностями, а с другой – рядом «сопровож-

дающих» качеств. Он был усидчив, умел концентрироваться и не рассеивать внимание. Опять же, высоко ценил порядок. Огромное значение имело и то, что Георгий оказался довольно везуч...

До поры его жену изрядно забавляла такая метаморфоза. будучи ещё моряком, он никому не позволял даже гвоздя забить в собственном доме, сам изготавливал мебель, прокладывал водопровод, стелил полы. В Петербурге же всё изменилось до неузнаваемости и приняло, пожалуй, болезненные формы. Горенов отказывался делать по хозяйству что бы то ни было. Правда, «отказываться» вскоре стало не перед кем, поскольку они разошлись.

Собственными детективами он не гордился. Напротив, как человек разумный и честный, смотрел на свои книги чрезвычайно скептически. Впрочем, совесть, а также ощущение призвания довольно скоро заставили их презирать. Жена долгое время хотела, чтобы он, раз уж стал писателем, посвятил ей какое-нибудь из сочинений. Сначала Надежда намекала, потом говорила об этом прямо, позже стала обижаться... А ведь на самом деле Георгий просто тогда очень любил её, и потому подобная затея представлялась ему странной. Он был убеждён, что ни одна из написанных им книг не достойна его супруги.

Многие люди живут, презирая свою работу. Большая их часть с годами осваивает нехитрую науку закрывать на это глаза, смиряется, но Горенов так и не смог. Он едва ли не

ненавидел себя за то, что вынужден писать детективы. Потому на долгие годы именно книга G стала для него смыслом и оправданием. Он жил, дышал, засыпал и просыпался ради неё, ради неё писал бульварные истории, повторяя себе, что кормиться какой ни есть, но всё-таки литературой – не самый худший вариант. Действительно, вот и Сименон считал, что главные его сочинения – это вовсе не книги о Мегрэ, а, как он сам их называл, «психологические романы». Такая же ситуация с Конаном Дойлом, который, мягко говоря, недолюбливал приключения Шерлока Холмса, считая вершиной собственного творчества историческую прозу, а также пьесы и стихи.

Ручной труд же – Георгий не был в этом уверен, но опасался – мог нарушить хрупкий и таинственный ритуал творческого бытия. Меньше всего он хотел лишиться тех мгновений, когда ощущал, словно кто-то водит его рукой. Это восхитительное чувство, будто автор вовлекается в некую стихию, которая, как морской поток, играет с ним, не кидая, но нежно перенося из стороны в сторону. Пучина, могущая погубить любого, то ли по недосмотру, то ли по умыслу сохраняет ему жизнь, бережёт его. За эти эмоции Горенов был готов отдать многое, но пока, то ли по забывчивости, то ли по милости, никто не требовал жертв.

Вопреки известным биографиям крупных авторов, Георгий решил, что современный литератор обязательно станет избегать домашних дел. Писателя же должны считать бело-

ручкой и «неприспособленным к жизни». А как это, если он в любой момент может устранить протечку или, скажем, сделать стол с живописным ландшафтом под эпоксидкой?..

– Сом, ты что, не слышишь? Иди есть! – раздался раздражённый женский голос с кухни.

– Минуту! – ответил он с озорной улыбкой, которую всё так же было некому засвидетельствовать. Ему хотелось ещё немного побыть с долгожданными чувствами.

Сом – это сокращение от «Свет очей моих». Горенов придумал себе такое прозвище ещё в Таганроге, когда отучал жену называть себя по имени. Формы «Гоша», «Жорик», «Гога», «Гарик», «Гера», «Георгин», «Жорж» и тому подобные ему совсем не нравились. Георгия же он просто ненавидел. Почему мама назвала его так? Ведь всё на свете должно что-то значить, особенно – имя. Какой он земледелец?! С детства Горенов не любил дачу и все связанные с ней трудовые повинности. А уж победителем его тем более назвать нельзя.

Одно время он носился с идеей, будто давать детям имена следует не раньше десятилетнего возраста, когда становится хоть приблизительно понятно, что они за люди. Да, будут определённые трудности в школе и детском саду, но это, ей-богу, не так страшно, как откликаться потом всю жизнь на неподходящее, чужое слово.

То, что Гоша – не победитель, стало ясно довольно рано. Из многочисленных историй о тумачах, отобранных игруш-

ках, неспособности настоять на своём чаще других вспоминался эпизод, произошедший лет в девять. Ему уже доверяли ключи от квартиры, чтобы он мог самостоятельно прийти из школы, пока взрослые на работе. Дорога от дверей учебного заведения до подъезда составляла в тот злополучный день всего шестьсот семнадцать шагов, их число неумолимо сокращалось с каждым месяцем. Вернувшись вечером, мама обнаружила маленького Горенова сидящим на скамейке у подъезда. Слёзы на лице Гоши уже высохли, но глаза оставались опухшими. Он тщетно пытался делать уроки, но было темновато, да и старухи не давали покоя.

— Оль, так он... нам ничего не говорит... — то ли жаловалась, то ли оправдывалась пожилая соседка. — Молчит, как партизан, и рыдает... Ты потом расскажи, что случилось-то, ладно?

Дома мама узнала, что ключи от квартиры он поменял на самодельный деревянный пистолетик со стволом из медной трубки для отопления, украшенный вставками из оргстекла. Впрочем, слово «украшенный» не совсем подходило: без них «оружие» выглядело бы гораздо лучше. А если убрать и медное дуло, стало бы совсем хорошо.

К юному Горенову подошёл мальчик и предложил обмен. Пистолетик Гоше решительно не нравился, он не мог понравиться никому. Более того, подобная игрушка была ему совершенно не нужна. При этом паренёк не казался хулиганом, не настаивал, не давил, но Георгий представить себе не мог,

как ответить «нет». Он не нашёл сил возражать даже тогда, когда из всех его вещей тот выбрал для обмена именно ключи от квартиры. Зачем они понадобились маленькому незнакомцу, тоже непонятно. Разумеется, не для грабежа. Вероятно, дело в том, что металлические, качественно отфрезерованные блестяшки всегда производят на мальчиков большое впечатление.

Горенов осознал произошедшее только после сделки. Он начал отчаянно предлагать бывшему владельцу деревянного оружия обратный обмен, но тот был всем доволен и достаточно уверенно отказался. «Вам меня жалко?» – спрашивала потом Гошина мама, пересказывая знакомым эту историю.

О победных качествах Георгия говорить не приходилось ещё и потому, что взрослые слишком часто ставили его в пример. В мальчишеском детстве это скорее видится поражением.

По прошествии лет кажется, будто уже тогда в его апатичном поведении угадывалось что-то «рыбное». Сразу вспоминается, что у него рано и густо начали расти усы, и плавать он научился чуть ли не в младенчестве... В общем, Сом – имя со смыслом.

Георгий был типичным сомом! Детская мягкость позже оборачивалась жестокой агрессией, за которую ему бывало стыдно, но акулой он так и не стал. Горенов не обладал силой кита, изворотливостью угря. Не был наделён и энергией ската или скоростью парусника... Не корабля, а рыбы-па-

русника. Кстати, группу «Аквариум» он тоже полюбил ещё в Таганроге. Это потребовало больших усилий и долгого противостояния вкусам ровесников. В Петербурге же, наоборот, труднее было не любить Гребенщикова и компанию. Так вот, он очень хорошо знал ответ на риторический вопрос: «Какая рыба в океане плавает быстрее всех?» Это рыба-парусник, никакого секрета здесь нет. Георгий не только видел, но даже пробовал её, угощал однокашник, служивший на Курилах. Вообще морское прошлое позволяло ему находить ответы на многие вопросы.

Свою фамилию Горенов тоже воспринимал чужеродной. В ней ему мерещилось то ли горе, то ли пламя. Второе его не устраивало, поскольку он был апологетом иной стихии. Однако она пришла в их семью от отца, и, исходя из того, как сложилась судьба матери, фамилия происходила скорее именно от «горя».

В ней будто заключалась какая-то злая шутка, она сама заставляла перепутать в себе одну букву. Действительно, иногда Георгий чувствовал себя Горюновым. Это были такие моменты, когда не хотелось ни с кем разговаривать. Случалось ощущать себя и Горяновым и Гориновым... В любом случае ему очень не нравилось, когда к нему обращались по фамилии.

– Остынет – греть будешь сам, – из кухни вновь донёсся голос дочери.

Лена сейчас жила у него. На секунду показалось, словно

это говорит жена... Или правильнее сказать — «бывшая жена»? Кто поймёт, что здесь правильно, а что нет. Такое прилагательное появляется не после развода, оно может войти и заявить о себе ещё в браке. Иные «бывшие» остаются вместе на всю жизнь. Так и живут «бывшие» с «бывшими». В книгах Георгия подобные люди возникали часто, потому что на них легко завязывать конфликт.

Его супруги здесь, конечно, не было, но с каждым годом различать голоса Нади и Лены становились всё труднее... Да и внешнее сходство проявлялось чётче. Если бы не короткая стрижка, серая кофта... Мать никогда такое не носила, предпочитая подчёркивать свою женственность. Чёрт, она подчинила себе всё, даже дочь сделала своей копией... Георгий давно заметил: многие вещи давались ему с трудом или не давались вовсе, тогда как под Надины желания бытие охотно подстраивалось само. Это происходило без насилия, оно не прогибалось с треском и скрежетом, но будто заново отливалось в формы, шёпотом диктуемые её волей. Не удивительно, что жена привыкла и не терпела, когда ей перчили...

Единственный раз Горенова уступила мужу, тогда они переехали в Петербург. Впрочем, это трудно назвать уступкой, просто в кои-то веки их желания совпали. Она и сама хотела, чтобы он бросил море, сама мечтала оставить Таганрог. На самом деле Надя грезила о Москве, но тут уж извините.

Лена приехала неделю назад. Не позвонив в звонок, она принялась раздражённо молотить ногой в дверь, как это

обычно делал Макарыч. Пьяница за стенкой – не самое приятное соседство. Георгий реагировал на его визиты по-разному. Случалось, даже спускал бедолагу с лестницы, однако в тот раз миролюбиво отправился открывать, прихватив с собой двести рублей. Хватило бы и ста пятидесяти, но настроение у Горенова было хорошее.

Увидев на пороге дочь с большим туристическим рюкзаком и сумкой, он удивился.

– Пустишь, – это не было вопросом, она решительно вошла в квартиру, сбросила обувь и направилась в гостиную. – Мне нужно отдохнуть от мамы... – О, это были волшебные слова.

Казалось, Лена не расстроена. Скорее зла. Никаких слёз, никаких эмоций на виду, этим она тоже походила на мать. Георгий мог легко и охотно понять любого человека, ощутившего острую необходимость отдохнуть от Нади. Дочь приезжала к нему под таким предлогом уже не в первый раз. Она оставалась на несколько недель, схема знакомая. Единственное, сейчас Лена была молчаливее обычного... Может, побудет подольше?

В таких визитах Горенов находил некое оправдание их разводу, подтверждение тому, что никто не решал опрометчиво и сгоряча. Хотя, разумеется, без труда можно было сделать и противоположный вывод: дескать, любыми средствами следовало сохранять семью, а не заставлять ребёнка метаться между родителями.

Впрочем, где здесь ребёнок? Девушка недавно окончила школу, и сейчас в квартире Георгия живёт уже почти взрослый человек. Скоро поступать... Скоро замуж!..

Хоть это, безусловно, создавало определённые проблемы, Горенов любил, когда Лена оставалась у него. Она неплохо готовила, а в последние годы ему не так часто случалось поесть домашнего. Обычно рацион модного писателя составляли магазинные блюда, разогреваемые в микроволновке. Впрочем, пока дела шли настолько хорошо, что нередко он питался в окрестных кафе и ресторанах.

– Ты университет-то выбрала? – спросил Георгий, усаживаясь завтракать.

Лена красноречивым взглядом попыталась купировать продолжение разговора в этом направлении.

– На филфак? – улыбнулся отец.

Это была семейная шутка. Лена тоже хихикнула.

– Как «дочь того самого Горенова»?

В том, что ей нечего делать на этом факультете, были солидарны все члены их семьи. Редкий случай, между прочим. В школе Георгий писал сочинения за неё. У девочки совсем не получалось, хотя помощи она не просила. Никто не просил, если не считать постоянных Надиных упрёков: «Ты ничего не делаешь для ребёнка». А многое ли он мог предложить? Ему казалось, что сочинения – самое очевидное. Написав её работы по литературе несколько раз, Горенов понял, что ему нравится. Интересно представляться ма-

леньким человеком... потом – подростком. Приятно писать о своём мнении, о прочтении каких-то книг. Рассуждать, о чём хочется, а не обживать тесные рамки детективных серий. Однако скандал не заставил себя долго ждать. Лёну быстро разоблачили, поскольку учителям тоже было известно то, что она «дочь того самого». Правда, они с мамой решили отцу ничего не говорить. Георгий продолжал кропать свои сочинения, но в школе девочка сдавала другие, которые писала с мамой.

Почему-то вопрос о высшем образовании Лёны волновал его больше, чем многие другие аспекты происходящего с ней. Ему было важно помочь дочери найти или по крайней мере не потерять себя... Звучит банально, но какой отец не примет эти слова как модус операнди. К тому же он помнил, как, измождённый сомнениями, когда-то не заблудился, не пропал именно благодаря ей. В то сумрачное время Горенов приходил домой и задавал крошке один и тот же вопрос: «А где папа?» – она маленькой ручкой тыкала в него пальцем. Тогда Георгий понял, что всегда сможет спросить дочь об этом. Он ошибался. Как обратиться с ним к восемнадцатилетней девушке? А ведь сомнений меньше не стало, наоборот, они усиливались и заполняли всё вокруг, к ним добавлялась злость, кризис среднего возраста, личная неустраиваемость, неоправдавшиеся надежды... Не оправдывавшаяся Надежда...

«Точка – дочка», – вертелось у него в голове. Нет, всё-

таки славно, что не сын. Зачем нужен «продолжатель (этого) дела»?.. «Наследник (каких-то) идей»?.. Чему несчастный «победитель» мог бы его научить?

Из всех профессий писательская стоит особняком по множеству причин. Одна из них в том, что литератор делится мыслями и тем самым влияет на некую аудиторию, состоящую не только из близких родственников. Пусть широта охвата всё равно смехотворна по сравнению, скажем, с телевизионщиками или киношниками, но есть два существенных отличия. Во-первых, сочинительство – дело одинокое, а не коллективное, как производство фильмов, и уж тем более не корпоративно-государственное, как телевидение. А во-вторых, это влияние не ограничено по времени. Бывает, что тексты восстают через много лет после смерти автора и начинают наводнять головы. Хотелось бы, конечно, при жизни, но и такой шанс дорогого стоит. Правда, в любом случае подобное происходит с другими произведениями, не с детективной литературой... Но теперь у Горенова имелась книга G! Можно ли её уже называть книгой? Сам текст существует хоть пока и без бумаги, без обложки, без читателей, без выходных данных... «Готовые, но не опубликованные!» Тьфу, как все похожи друг на друга, даже противно. Впрочем, пока есть надежда... Надежда... Как раз сегодня после презентации будет удобно поднять этот вопрос.

Одеваясь во всё парадное, Георгий думал о том, что случайно вычитал вчера в Ленином журнале, в котором заго-

ловки писали розовыми буквами. «Шоколад с содержанием какао менее 35 % относится к молочным... В том случае, если концентрация какао превосходит 40 % – это чёрный шоколад». Взгляд сразу споткнулся о совершенно неуместное в женском издании слово «концентрация». Но главное, что беспокоило собирающегося на презентацию автора: а как же шоколад от тридцати пяти до сорока? Какой он? Как называется? Разве его не существует? А если так, то существует ли сам Горенов?

Станция метро находилась рядом, но когда живёшь здесь, глупо ездить под землёй. Люди прилетают издалека, преодолевают тысячи километров, чтобы прогуляться каждодневными маршрутами местных. Но петербуржцы, населяющие центр, равно как и обитатели острова Сите, Трастевере, Вестминстера и других исторических районов великих городов, нередко забывают об этом. Горенов помнил.

Иногда всё-таки и ему приходилось спускаться в метро. Тогда к его услугам была расположенная совсем близко станция «Технологический институт» – он терпеть не мог фамильярного названия «Техноложка» – а чуть дальше «Садовая-Спасская-Сенная». Все ветки рядом, кроме зелёной. И, разумеется, Надежда жила на «Елизаровской». Как иначе? Сейчас следовало пройти всего три-четыре километра. По его меркам, принимая во внимание любовь к прогулкам – пешеходное расстояние.

Выйдя из подъезда, Георгий кивнул своему любимому тополю, росшему во дворе. Их спилили почти везде, этот остался последним. Тополь, тополь, Севастополь, Таганрог, бараний рог. Конечно, не последний. Вот рядом ещё один, но будем считать, что сосед – предпоследний, а гореновский фаворит – самый особенный, самый главный тополь Петербурга. Потому что любимый.

Он прошёл дворами, потом свернул на Крюков канал. Однажды Георгий написал о каком-то своём герое: «Во всех городах мира он вздрагивал в полдень, будто слышал пушечный залп». Пунктик приезжего. Правда, где он это написал? Предложение так нравилось автору, что ни в один детектив оно пока не попало. Клише, стоящее в центре сентенции, не позволяло включить его и в книгу Г. Однако фраза давно вела жизнь увидевших свет слов, так и не покинув сознания Горенова. В какой-то момент у него возникло ощущение, что раз она не подходит никому из персонажей, то это сказано о нём самом.

В этих словах умещалось многое: любовь к городу, испуг, дискомфорт, важность ритуалов, чувство времени, которое на флоте у Георгия развилось едва ли не до состояния совершенного механизма. Но штука в том, что с переездом в Петербург он будто бы перестал работать. То ли сломался, то ли забыли смазать. Течения минут Горенов более не ощущал. В Таганроге не было случая, чтобы он опаздывал, теперь же случалось всякое.

Это одна из тех загадок города, которые весьма его занимали. Впрочем, устраивавший Георгия ответ уже был найден. Петербург населён не только людьми, но и традициями, в числе которых «полуденный выстрел» – одна из самых примечательных. Обычное дело для крепостей – залпом маркировать знаковые события: наводнение, рождение ребёнка в царской семье, крупную военную победу на дальнем погра-

ничье... Но здесь им принято обозначать каждый начинающийся день. Очень русская привычка – деньги на ветер. Фейерверки, залпы... не по особым случаям, а просто так.

Как и многое другое, этот сигнал задумал ещё Петр I. Он же поручил французскому астроному Жозефу-Николя Делилю разработать научную базу, произвести необходимые расчёты. Собственно, воля императора фактически имела статус государственного указа, но бумаги о высочайшем повелении всплыли почему-то только, когда Петра уже не было. Делиль всё сделал быстро, однако показать царю не успел. Француз принёс свой труд Екатерине, а ей было совсем не до того. Неизвестно, представлял ли учёный выкладки и проект Петру II, но вот к Анне Иоанновне приходил точно. Та ответила суровой резолюцией: «Людам поганым времени знать и вовсе не положено!» Двор же, дескать, слуги разбудят, когда нужно. Являлся Делиль и к последующим правителям, но никто из родных людей, из потомков мятежного мечтателя Петра не поддерживал замысел великого предка. Семья подвела даже его.

Уже после смерти французского астронома его труд принесли Павлу I... Тот шума вообще не терпел, а потому стрелять запретил категорически. Вдобавок повелел сделать мосты деревянными, чтобы по ним колёса не дребезжали.

Больше века мёртвым грузом пролежала работа Делиля. Лишь в 1865 году Александр II воплотил её в жизнь. Правда, стреляли тогда из Адмиралтейства, и не в самом залпе

была суть. Каждый день, перед тем, как заряжать пушку, в воздух поднимали огромный белый шар. Полуденное сообщение должны были не столько слышать, сколько видеть в самых дальних уголках города. А сигнал точного времени тогда поступал из недавно открывшейся Пулковской обсерватории. По системе зеркал его передавали сначала в Кунсткамеру, а оттуда уже через Неву в Адмиралтейство.

В 1872 году по велению того же Александра II пушки и ритуал перенесли на Нарышкин бастион. Об этом мало кто знает, историю старались замолчать, но в 1905-м у орудия разорвало затвор, погибли канониры. Пока это единственная трагедия, связанная с традиционным залпом, но не единственная, имеющая отношение к Петропавловской крепости...

По её периметру было установлено более трёхсот пушек, но принято считать, будто боевых выстрелов они никогда не производили. Это не так. После сигнала «Авроры» с приплеска на Заячьем острове пьяная матросня принялась палить по Зимнему дворцу. Разумеется, попала, дело не хитрое, да и близко совсем. Экскурсовод Эрмитажа в угловом кабинете-библиотеке Александра III обязательно расскажет, что в дни революции стена была пробита снарядом, но, скорее всего, умолчит о том, откуда стреляли.

В 1934 году ритуальный залп заклеямили «буржуазным» и отменили. Возродился он в 1957-м. Сигнал точного времени всё ещё получали из Пулковской обсерватории, но уже по телефону. Прямо от астрономов он приходил в институт

метрологии на Московском проспекте, а туда уже ежедневно звонил комендант Петропавловской крепости. Получив от-машку, он нажимал кнопку на пульте. Тогда использовался электрический запал, всё управлялось дистанционно. Быть может, сыграла роль трагедия 1905 года.

Позже связь с обсерваторией упразднили, потому что время стоит денег... Да и много ли смысла получать сверхточный отсчёт до одной квадриллионной доли секунды, чтобы потом принимать сигнал по телефону? Это же ритуал, педантичность здесь не важна. Кроме того, летит звук медленно. У Литейного моста он будет только через шесть секунд, а у Большеохтинского – почти через двадцать. По техническим причинам залп иногда задерживался и на минуту.

Несмотря на то что традиция восходит к петровским временам, законный статус выстрел получил только в середине прошлого века. А в уставе города его зафиксировали лишь в 2002 году, хотя кажется, будто нет более незыблемого петербургского ритуала...

Сейчас, Георгий знал это наверняка, для пальбы использовались две гаубицы Д-30 сто двадцать второго калибра. Забавно, энциклопедии вразнобой называют годы их выпуска и почти ни одна не угадывает. Первая произведена в 1970-м, а вторая... неизвестно в каком. Даже канониры не могут разобрать, что на ней написано – «1975» или «1973», а может, «1978». Она потерялась во времени. Но суть не в этом. Горенов как-то увидел, что на стволах обоих орудий красу-

ется тринадцать звёзд. Тринадцать, понимаете? Чему после этого можно удивляться? Эти гаубицы никогда не воевали, но они каждый день сражаются со временем. Они получают награды в виде алых пятиконечников не за сбитые самолёты, не за попадание в цель, а за прожитые годы. Но когда-нибудь, рано или поздно – скорее рано – эти пушки потерпят окончательное поражение, как и все их предшественницы. Как все орудия на свете, как все люди.

Гаубиц две, и на слух никто из горожан не определит, какая сегодня стреляла – правая или левая. А ведь, может статься, вся жизнь в Петербурге течёт по той или иной траектории в зависимости от того, которая из них нынче подавала голос. Или обе? Обе звучат чаще, чем вы думаете. Вот приехало много почётных гостей в город, и надо, чтобы не один, не двое, а четверо дёрнули за спусковой рычаг, тогда они разделяются по парам и стреляют синхронно. А в другие дни... зачесалась левая рука у канонира – палит из левой. Застоялась правая пушка – её и заряжает. Если одна даст осечку, вторая подстрахует, выручит напарницу, но и грохот разлетится по городу чуть позже.

Кстати, про грохот... До гаубиц Д-30 использовали орудия 1938 года калибром бóльшим на три сантиметра. От них отказались, поскольку закончились старые снаряды, но дело не только в этом... Из-за выстрелов таких крупных пушек, когда ветер совпадал с направлением залпа, на Васильевском острове регулярно вылетали стёкла. Звуковая вол-

на очень хорошо отражается от воды. Разбивались окна и в Эрмитаже, в результате чего срабатывала сигнализация, поэтому несколько раз полуденным залпом пользовались грабители. Как всё в жизни взаимосвязано... Но эти истории тоже не афишировались.

Издалека казалось, будто на перекрёстке произошла авария, а потом началась потасовка прямо на проезжей части. Тут всегда что-то случается, проблемное перепутье. Крики и шум усиливались, вокруг собралась толпа. Движимый рефлексом любопытства, Горенов ускорил шаг.

Кто-то уже снимал происходящее на телефон. Ни полиция, ни скорая помощь ещё не подъехали, хотя издалека доносились сирены. Опытный автор детективов сразу увидел картину так: два больших чёрных автомобиля с тонированными стёклами столкнулись. Удар оказался не очень сильным, да и машины были крепкими, потому сначала в аварии никто особенно не пострадал, что сыграло впоследствии злую шутку. Люди выскочили и без лишних слов принялись разбираться друг с другом. Сейчас их тела лежали на асфальте, только один из участников инцидента – нестарый ещё человек – медленно ходил между разбитыми автомобилями. Точнее возраст оценить затруднительно, поскольку его лицо, руки и одежда были залиты кровью. Он смотрел по сторонам жутким взглядом, который казался скорее звериным. Пару раз бедолага издал звук, похожий на вой, потом схватился за голову.

В какой-то момент его всё-таки посетила мысль скрыться с места преступления. Он сделал рывок к своей машине, но увидел вывороченное колесо. К тому же толпа почти сомкнулась в кольцо. Уехать точно не получится. Он попытался побежать, но через три метра остановился. То ли полиция была уже слишком близко, то ли что-то ещё... Он закрыл руками глаза, причём как-то странно, с усилием, будто пытался выдавить их.

Рассмотрев всё внимательно, Георгий сделал вывод, что нестарый человек ехал один, тогда как все остальные – четверо – находились в другом автомобиле. Горенов не мог точно сказать, кто был виноват в столкновении. Немолодой водитель второй машины лежал снаружи с разбитой головой. Возле него, раскинув руки, остывало тело пассажира, сидевшего за ним, то есть слева сзади. Те же двое, что занимали места у правого борта, успели добежать до первого автомобиля, там и полегли. Все выглядели мёртвыми, хотя следов применения огнестрельного оружия видно не было. На асфальте валялись трубы, монтажки и ещё какие-то железяки.

Наверняка в толпе нашлось бы немало людей, наблюдавших произошедшее с самого начала, засвидетельствовавших столкновение и то, как «нестарый» крушил головы остальным. Однако у Георгия было такое докучливое свойство: он всегда выделялся на фоне других, привлекая внимание в первую очередь. Холостому мужчине это качество скорее по-

лезно. Но как автор детективов, Горенов знал, что оно крайне обременительно и даже опасно для преступника. Так или иначе, он совершенно не удивился, услышав за спиной:

– Уважаемый, понятым будете?

У каждого дела особый словарь. Впрочем, не только у дела. Люди отдельных социальных слоёв, возрастов и профессий используют одни и те же понятия, наделяя их совершенно разными смыслами. Сотрудники полиции, например, знают о почтении и респектабельности что-то, превращающее в их устах вокабулу «уважаемый» едва ли не в междометие. Или, например, весь город увешен объявлениями: «Помощь попавшим в сложную ситуацию». Слово «помощь» выделено жирным и крупным начертанием, чтобы люди, узнав знакомую последовательность букв, подумали, что здесь спасение, а на самом деле – нет... Георгий видел, как слова вокруг теряли значения, это всерьёз беспокоило его.

– Нам машины нужно обыскать. Будете понятым?

Горенов обернулся. Перед ним стоял невысокий человек в чёрной куртке и чёрной водолазке. «Такой бы легко затерялся в толпе», – подумал он. На лице мужчины застыла странная гримаса... Казалось, ему то ли больно, то ли неприятно смотреть на окружающих. Или он щурился от солнца, но ведь уже вечерело... Старая одежда, неухоженный вид... Ещё немного, и его можно было бы принять или выдать за бездомного, недавно попавшего на улицу, а потому пока не запаршивевшего, но удостоверение следователя в руках рас-

ставляло всё по местам.

В сознании Георгия мелькнул незатейливый каламбур о том, что лучше быть не «понятым», а «пóнятым», но озвучивать его он не решился. Мужчина ждал ответа.

– ...Можете и свидетелем... Видели, что произошло?

– Извините, я тороплюсь, – проямлил Горенов и резко начал пробираться через толпу.

– В смысле? Все вы такие торопливые, когда не с вами... – проскрежетал следователь вдогонку.

«Уж точно, „уважаемый“», – подумал Георгий и зашагал дальше.

Он не соврал, ему действительно нужно было спешить. При большом желании он мог задержаться на несколько минут, но этого времени вряд ли бы хватило на обыск, опись, протокол и всё прочее. В любом случае большого энтузиазма перспектива выступить понятым у него не вызывала. Казалось бы, писателю детективного жанра такие вещи должны быть небезынтересны, но подобных предложений он избегал и в прошлом. Более того, Горенов никогда не консультировался с полицией, обходясь собственным житейским опытом, а также тем, что узнавал из интернета, книг, фильмов и газет. Особенно газет! Он очень любил читать прессу, отыскивая в ней какой-то неповторимый, своеобразный род событийности. Но главное, Георгий был убеждён в том, что бескомпромиссная достоверность – не самое важное качество книги. В конце концов, его читатели – не судмедэкспер-

ты, следователи и полицейские. А если такие и есть, то их наверняка меньшинство.

Кроме того, свидетелем Горенов не мог быть в принципе. Такие люди не способны пересказывать случившееся у них на глазах. Суть вовсе не в том, видел он столкновение или нет. Последовательность событий не представляла для него никакой загадки. Покидая место аварии, он был убеждён: выживший молодой водитель – сын старого, хотя ни тот, ни другой об этом не догадывались. Не ведая, что творит, несчастный убил отца и его спутников на перекрёстке дорог. Дальнейшая судьба этого человека тоже была хорошо известна. Как свидетелем мог быть тот, кто знал всё, включая последующие события? Зачем вносить в протокол сюжет Софокла?

Горенову везде виделась литература. Это не было помешательством. Скорее – мнением. Скажем, имелся у него друг-автомобилист, который на трассах нередко отказывался обгонять другие машины по встречной полосе, даже если пустая дорога просматривалась на многие сотни метров. Почему? Потому что мистическое сознание подсказывало ему опасность такого манёвра, ведь на него могут мчаться невидимые автомобили. Сам Георгий тоже имел склонность искать и находить таинственные стороны бытия, но всё-таки относил подобные суждения к разряду психических отклонений. А ведь, с другой стороны, и это – не более чем мнение.

Сейчас он безуспешно пытался вспомнить, как звали друга-автомобилиста, где он жил, когда они виделись в последний раз... Может, его и не было вовсе? Может, это один из героев его книг?... Очевидно, эпизодических, не главных. Для главного у него слишком серьёзные закидоны, на психе непросто строить детектив. С годами Горенову становилось всё труднее различать выдуманных и реальных людей.

Мистика, магия, эзотерика – люди часто смешивают и путают эти понятия, хотя на деле между ними мало общего. Георгий же, как ему казалось, знал разницу, а потому, если нужно было что-то обойти – люк, столб или автомобиль – он старался заходить справа, делая это против часовой стрелки. Если нужно было на что-то наступить – на полосу зебры, дорожную плитку или поребрик – он, если возможно, опускал ногу на правый верхний угол. Ведь его дело правое. Обсессивно-компульсивное расстройство? Безусловно, но это серьёзнее, чем может показаться на первый взгляд. Подобное «заболевание» восходит к самой природе человека, к тем далёким временам, когда для поддержания нормы жизни люди справляли ритуалы. Древнему представителю того же вида, предку Горенова, требовалось совершать обряды, чтобы был хороший урожай, чтобы дети не болели, чтобы избежать нелепой, несправедливой смерти... Тогда это не считалось отклонением. Так почему же теперь многие глядят на него искоса?

С момента переезда в Петербург Георгий начал обходить

справа и писать книги. Вдруг если прекратить одно, то закончится и другое? Даже пробовать страшно. Недальновидно считать странностью или чудачеством то, что вполне может быть ничем иным, как проявлением дара.

Иногда Горенов сам задавался вопросом о том, насколько он серьёзен в тех случаях, когда использует слово «дар» применительно к себе. Часто казалось, будто это просто такая игра, а временами что нет, что всё по-настоящему. Разумеется, вслух, другим людям Георгий ничего подобного не сообщал. Это было немыслимо, да и некому... На самом деле о таких вещах он мог говорить лишь с одним человеком – с Борисом.

Наверное, Борис был самым давним его другом в Петербурге. Они – два начинающих ещё писателя – познакомились, когда Горенов только приехал. Гостеприимный Боря – коренной житель города – на первые месяцы приютил у себя собрата по перу вместе с женой и ребёнком. Потому относительно него Георгий практически не сомневался, реальный это человек или вымышленный. Реальный... почти наверняка. Собственно, они познакомились тогда, когда он и придумать-то толком ещё ничего не умел.

Борис обладал редкой литературной фамилией – Живаго, сразу вспоминаются и доктор Юрий из романа, и выдающийся писатель-фронтовик Аркадий, которым Гоша зачитывался ещё в таганрогской школе. Мог ли он в те времена предположить, что подружится с его внуком?

Боря сразу стал для Горенова человеком крайне важным. И дело вовсе не только в том, что без него Георгий и его семья буквально пропали бы в незнакомом городе, им было бы нечего есть и нечем платить за жильё. Тогда существеннее казалось другое: именно с ним они могли обсуждать то, о чём с другими заговаривать было странно, глупо, да и вообще непонятно зачем...

Эти два очень разных человека редко соглашались друг с другом. Георгия такое обстоятельство скорее радовало и воодушевляло, а Борис огорчался, всё более убеждаясь в том, что даже близкий товарищ его не понимает. Чего уж тогда ожидать от посторонних читателей?.. Эх, поговорить бы сейчас с ним... Но они не виделись давно. Пожалуй, около года. Звонить первым «морской волк» – так раньше с усмешкой называл его Боря – Горенов не решался. Да и как позвонить? Мобильного телефона у старого друга никогда не было по принципиальным соображениям, а городской он отключил. Когда-то Георгий записывал на всякий случай номер его родителей, но в их возрасте разыскивать товарища через маму с папой... Увольте. Лучше всего было столкнуться с ним случайно. Уж тогда он бы выговорился! Борис с его возвышенным взглядом на вещи, автор, который скорее бы голодал, чем стал писать бульварные детективы, точно развеял бы его сомнения.

Горенов почувствовал, что старый друг – самый нужный ему в данный момент человек. Это всегда легко определить:

как правило, больше всех необходим именно тот, кого нет рядом. Впрочем, в подобных «лёгких» выводах, как и в на-
полнении случайных событий эфемерным смыслом, нужно
проявлять предельную аккуратность. Бодлер, а за ним Ман-
дельштам повторяли, что люди заблудились в лесу симво-
лов. «Природа – некий храм, где от живых колонн / Обрыв-
ки смутных фраз исходят временами...» И один из крите-
риев цельности, зрелости личности состоит в том, насколь-
ко развит навык сопротивления навязчиво всплывающим на
поверхность знакам.

Георгий не любил лес... Море прекрасно уже потому, что
заблудиться в нём нельзя. Можно утратить ориентиры, по-
терять курс, попасть в шторм и даже утонуть, но оно не да-
вит своим самоподобием, не воздействует мшисто-плесне-
вым запахом тлена, не манит в чащу, как в капкан.

Горенов считал, что критически относится к приметам и
совпадениям. Однако в то же время существовали вещи, иг-
норировать которые он не мог. Скажем, несколько дней на-
зад у него возникло странное предчувствие: что-то обяза-
тельно должно произойти. Такое ощущение ни из чего не
следовало, ничто конкретное на это не указывало, он про-
сто знал. Будто кости ломило перед штормом. Хотя сказать
«странное предчувствие» – всё равно что не сказать ничего.
«Что-то» происходит постоянно. Плохое чуть чаще, чем хо-
рошее. Большинство людей, а в особенности русских людей,
каждый день живут в ожидании неприятностей, а то и бед.

Но даже если сделать скидку на это ожидание, также не чуждое Георгию, то в данный момент он действительно чувствовал нечто другое. Да ещё сегодняшний сон...

Под утро Горенову снилось, как он идёт на гору, совершает восхождение. Это было странно само по себе, ведь ему никогда не доводилось бывать в горах. Он не занимался альпинизмом, не интересовался им, но во сне ему казалось, будто он любит это дело и всё умеет. Георгий видел массу подробностей своего пути. Сначала он шёл по подлеску, нижней части склона. Выше следовала открытая местность, здесь деревья уже не росли. Потом начались скалы, которые сновидец преодолевал весьма мастеровито. Вдалеке показались снега и льды, но вершина ему так и не открылась. Во сне Горенов очень устал. Он шёл в одиночестве, налегке, с собой не было ни рюкзака, ни фляги с водой. Последнее не составляло проблемы, поскольку по пути ему всё время попадались колодцы, и иногда он останавливался, чтобы напиться из них.

Сон был крайне реалистичными, довольно длинным, а потому однообразным. Из него Георгий узнал, что если в кино альпинизм – захватывающее приключение, то в жизни... точнее, во сне, это муторная тяжёлая работа, пусть и на фоне прекрасного пейзажа. Лишь незадолго до того, как будильник разразился петушиным криком, ему пришло в голову, что колодцы на горе – это, вообще говоря, довольно странно, а уж в таком количестве...

Они встречались слишком часто. Гораздо чаще, чем бы-

ло нужно любому путнику, в том числе и самому Горенову. Все аккуратные, каменные, один к одному, с обязательным ведром на блестящей цепочке без следа ржавчины и иного изъяна. Внешнее совершенство – верный признак, чтобы отличить сон от яви. По пути Георгий не видел никаких рек, водопадов и других источников воды, при этом все колодцы были полны. В предгорье, наверное, действительно можно встретить такие, но он поднялся довольно высоко и, взглянув вверх, заметил их даже в снежной зоне.

Горенов проснулся, недоумевая, откуда они взялись? Кто их построил и для кого? Кто поддерживает колодцы в таком прекрасном состоянии? Когда он пробудился окончательно и наконец понял, что походы по горам – лишь ночное видение, пришёл главный вопрос: в чём его смысл? Что оно может значить? Далее последовали гигиенические процедуры, утренний моцион, работа, книга G, «точка», потом Лена позвала завтракать, и Георгий вяло зашагал на кухню. Дочь давно накрыла на стол, уже пила кофе, а рядом с ней лежала книга по истории живописи, раскрытая на странице с картиной «Истина». Его внимание привлекло не название, а само изображение: обнажённая женщина с недобрый лицом и какой-то палкой – то, что это плётка, он узнал позднее – вышла из колодца... Из колодца!

Лена подумывала поступать в Академию художеств. Отцу не очень нравилась её затея, но, право слово, в данный момент Горенова занимало другое. Пододвинув книгу к себе,

он прочитал полное название полотна: «„Истина, выбирающаяся из колодца, вооружённая плетью для наказания человечества“, Жан-Леон Жером, 1896 год». Случайность? Совпадение? Может, и так, но сейчас Горенов шёл по городу, и оно не выходило у него из головы... Что не только сон, но всё это вместе может значить?..

А вот и канал Грибоедова, некогда – Екатерининский. Бытует мнение, будто в 1923 году протоку переименовали не в честь литератора и дипломата Александра Сергеевича, а дабы запечатлеть его однофамильца Константина Дмитриевича – военного инженера и большого специалиста по водоснабжению. На самом деле роль последнего в судьбе этой артерии трудно переоценить, ведь Екатерининский канал вполне мог быть засыпан ещё в 1904-м из-за антисанитарии и наводнений в центре города. Кстати, тогда на его месте проложили бы ветку новомодных по тем временам трамваев, которая вполне могла стать едва ли первым подобным маршрутом в Петербурге, сыграв заметную историческую роль. Но Константин Грибоедов сумел объяснить, что здесь необходимо сохранить именно водную протоку, а также предложил использовать современные технические решения, опробованные им в Царском селе.

Так что же важнее – литература или реальность, проза жизни? В Петербурге – всегда литература. На самом деле канал получил фамилию именно от Александра Сергеевича. Это известно наверняка, поскольку до 1931 года он называл-

ся «писателя Грибоедова». Вот ведь несправедливость: инженер его спас, сохранил, а литератор-то что сделал? Все-го-то пожил в доме Вальха, носящем номер 104 по набережной. Да и сколько пожил? Очень недолго, меньше двух лет. Кто, проходя мимо этого здания, вспоминает теперь квартиранта, написавшего здесь самое начало «Горя от ума»? Кто знает, что у него в гостях собирались декабристы? Строение воспринимается исключительно как место жительства старухи-процентщицы. Снова парадокс! Тут обитал живой человек, здесь происходили исторические разговоры, а здание в устах молвы и экскурсоводов ассоциируется в первую очередь с литературным персонажем. Связь эта в наше время выглядит нерасторжимой, хотя, в общем-то, из текста Достоевского не вытекает, будто он имел в виду именно этот «преогромнейший дом, выходивший одною стеной на канаву, а другою в – ю улицу». Именно «-ю» становится важнейшим аргументом, если не прямым указанием на конкретное строение и Подъяческую улицу, коих было и есть во множестве. Казалось бы, всего-то дефис и самая странная буква, похожая то ли на соску, то ли на ключ... Нет, это рым, за который текст прицеплен к городу! А ведь если знако-буквенную конструкцию «-ю» повернуть против часовой стрелки на четверть оборота, то получится священный для египтян крест Анкх, символ жизни, объединяющий мужское и женское начало... Георгий вспомнил «Египетский крест» Эллери Квина – один из любимых своих детективов, классику жанра.

Самый «обиженный» в этой истории, разумеется, фабрикант Иван Вальх. Человек имел столько денег, недвижимости, в том числе этот дом – «владелец заводов, газет, пароходов» – но его имя теряется, рассыпается в прах и не значит ничего. А всё почему? Он уксус производил. Кислое дело... Впрочем, и уксус может кого-то сделать счастливым. Анкх – Вальх, здесь чувствуется какая-то робкая рифма.

У Горенова было много причин любить Петербург. Одна из них состояла в том, что город всегда мог отвлечь его от тягостных мыслей. Предложить тему, увести в какие-то рассуждения, перенести в древний Египет или Италию эпохи Возрождения. Как там в хорошей песне? «... За то, что мне не скучно с ним». Георгию с детства нравилось «Достояние республики», но тогда в Таганроге, смотря его с дворовыми друзьями, мог ли он предположить, что позже от этих слов будет щемить сердце?

Который час? Хотя чувство времени пропало у Горенова без следа, очевидно, он шёл слишком задумчиво, плюс задержка из-за аварии на перекрёстке... Есть шанс опоздать. Без него, конечно, не начнут, но Люма будет недовольна... Она всегда такая смешная, когда пытается его ругать. Многие авторы побаивались её всерьёз, но к Георгию эта женщина неизменно была слишком добра. Как порядочный человек, он предпочитал делать вид, будто не понимает почему.

Вот и Мойка. Горенова забавлял тот факт, что название происходит то ли от финского, то ли от ижорского сло-

ва «муя» – «грязь», «слякоть». Каждый петербургский пацан знал это со школы, из уроков истории города, но Георгию пришлось нагонять самостоятельно. В силу естественных языковых метаморфоз имя реки приняло такую форму, которая в сознании связывает этимологию скорее с чистой, а не с грязью. Это, в общем, справедливо. Главная задача воды – смывать. Смыть всё, в том числе смыслы, иллюзии... Когда смотришь на реку или море, становится ясно, что ни один человек не сможет этому соответствовать. Кого-то осознание такой истины сделает несчастным, но кто-то только тогда почувствует время как своего друга и партнёра, а не как убийцу. Так что инженер Грибоедов был прав: не нужна здесь трамвайная ветка.

Горенов не оставлял страсть к плаванию или это она не покидала его. Всякий раз, шагая вдоль воды, следуя береговой линией, каменной набережной или песчаным пляжем, он представлял себя погружённым в стихию, охваченным ею. Не было сомнений, что плавание – одно из лучших «малых» дел, доступных человеку. Словно схема самой жизни, модель бытия в миниатюре, оно состоит в методичном повторении одного и того же. Правой, левой, правой, левой... Вдох, выдох, вдох, выдох... Буква, буква, буква, буква...

Море позволяет этому научиться... Кто знает, быть может, его гладь и создана для того, чтобы спокойно и довольно безопасно давать свои уроки... Почему безопасно? Потому что в солёной воде утонуть всё-таки непросто. По крайней

мере, это почти не зависит от навыка: человек, который хорошо плавает, и тот, кто робко делает первые гребки возле берега, имеют примерно равные шансы. Опытные тонут на глубине, а неумехи – на мелководье. Снова всё как в жизни: удача важнее, чем мастерство. Скажем, если в воде столкнуться с голодной акулой, то не так уж важно, сколь быстро ты умел загребать руками. Конечно, шансы невелики. Вероятность не больше, чем получить на суше удар небесного электричества во время грозы. Но ведь у Горенова был знакомый, который с гордостью демонстрировал на своём измученном теле целых четыре следа от молнии. Один раз она вошла в него через левое плечо, выйдя из правой пятки. Также имелась точка входа на груди и выход на левой стопе. В этого бедолагу Перун попал дважды, причём не сразу, а с интервалом в три года. То есть и без того мизерную вероятность несчастному удалось возвести в квадрат своего чудовищного «везения».

Ещё бывают судороги. Они опасны не столько сами по себе, болью и потерей контроля над мышцей, сколько страхом и смятением, которое могут вызвать у пловца. Тем не менее Горенов относил их скорее к дворовой мифологии из детства, чем к медицинским фактам. Как только он научился хорошо держаться на воде, то сразу стал заплывать довольно далеко. Тогда мама принялась активно страшить его рассказами о том, как сводит ноги. Пугала, потому что очень боялась сама. А Гоша не боялся. Совсем.

По чьему-то совету он начал носить булавку в трусах. Дескать, в случае чего нужно уколоть окаменевшую мышцу, и тогда сразу «отпустит». Но начнём с того, что отцепить её, а потом всадить в икру или в бедро, находясь в воде, не так уж и просто. А уж от судорог в спине она точно не поможет. Во-вторых, одна хорошая медсестра объяснила Горенову: булавка вообще редко оказывает эффект. В-третьих, у него был товарищ, дважды ударенный молнией, но не было ни одного знакомого, у кого хоть раз свело бы мышцы в воде.

То, что уплывать нужно обязательно далеко, Георгий понял сразу. Самое главное – не запаниковать. Опять-таки, как в жизни. Когда ты один, такой маленький, мокрый, в жалких плавках, далеко от берега, в каждом тёмном пятне легко увидеть чудовище, ощутить фантомные прикосновения, потерять надежду от усталости, но нужно лишь повторять ритмичные и спокойные движения. Правой, левой, правой, левой... Вдох, выдох, вдох, выдох... Ноги работают синхронно или независимо, но тоже – левой, правой, левой, правой... Собственно, всё, что нужно для продолжения бытия – повторяющиеся методичные движения. Однообразно, даже скучно, но иначе не выжить.

Кто-то рассказал Горенову, что причина гибели большинства пловцов – не что иное, как сердечный приступ. Наверное, он прочитал об этом в какой-то газете. Снова всё как в жизни. Человек отплыл от берега, и вдруг – закололо. Следом подоспела паника, и привет. На берегу таблеточку бы

положил под язык или по крайней мере лёг бы на спину, расправил грудную клетку. А что делать, когда за спиной – километры воды, а впереди – ещё больше?..

Размышления об утопленниках пришлось прервать, поскольку Георгий наконец добрался до книжного магазина, где уже должна была начаться презентация его нового детектива.

В сумраке зала собралось довольно много людей, Георгий не ожидал. «Ого!» – воскликнул то ли он, то ли вновь кто-то, стоящий за плечом.

– Гошенька, Гошенька, наконец-то! Полчаса, так же нельзя, мы уже говорили с тобой об этом... – засуетилась вокруг него главный редактор издательства, которая пришла, чтобы провести встречу с автором.

– Людочка, прости, попал на аварию, засмотрелся, – Горенов развёл руками, как большой ребёнок. – Ты себе не представляешь...

– Тс-с-с! – остановила она его. – Вот выйдешь и всё это им расскажешь. Что уже начал собирать материал для нового романа. Люди любят трудолюбивых. Женщины любят. У нас опять – полный курятник. Причешись. Кстати, – она нежно взяла его за грудки и спросила шёпотом: – Как там с продолжением? Прошу тебя, не тяни. Мы хорошо подготовили рынок, не делай паузы...

Лицо Георгия переменилось. Оно стало не детским, а скорее старческим, измождённым. За следующий детектив он пока не брался вообще. До того ли ему сейчас? Планы были другими. Горенов лелеял надежду, что больше такие книги писать не придётся. Надо было поговорить с ней об этом, но как? Когда? Пожалуй, не сегодня...

– Гошенька, я тебя прошу, не подведи нас... Ты же понимаешь, нам нужна серия... Твоя серия.

Людмила Макаровна Орлова существовала как бы во множественном числе, потому что была не только человеком, но и издательством. «Великой и ужасной» её величали многие. Людочкой же могли называть лишь избранные, в числе которых Горенов был самым молодым автором. Остальные бы не посмели.

Частенько её фамильярно именовали Люмой, но, разумеется, исключительно за глаза. На деле Орлова не была ни великой, ни ужасной. Просто люди склонны к повторению клише и цитат, состоящих не более чем из трёх-четырёх слов. А главное, все любят сказку про Гудвина.

Выпускаемые ею книги – бульварные романы и детективное чтиво – исключали величие. А ужасная?.. Скажем так, она бывала сердита, сурова, несправедлива, легко повышала голос, иногда позволяя себе унижать людей, но это можно попытаться понять. Высокий профессионализм Орловой заставлял её всем сердцем болеть за своё дело, как бы она сама к нему не относилась. Люма работала вовсе не ради денег... Это было что-то вроде монашеского пострига с отпечатком средневековой трагической обречённости. Она оставалась верна своему «обету», хоть и разочаровалась в нём давно и бесповоротно. Людмила Макаровна являла печальный, но достойный пример человеческой преданности тому, что когда-то про себя, не вслух, называла высокопарными

словами «предназначение», «миссия». Правда, тогда она выпускала совсем другие книги.

Нынче её авторов можно было подразделились на три базовых лагеря. Первый – это графоманы. Разумеется, Орлова принимала только тех, кто мог внятно излагать в интересующих её жанрах. Однако при наличии определённого навыка такие писатели представляли собой наиболее предпочтительный для неё вариант. Больших художественных высот они не покоряли, но в том и не было нужды. Значение имело другое: эти люди сочиняли безудержно, поскольку иначе не могли. Издательству же, как правило, серия книг со сквозными персонажами существенно интереснее, чем отдельная история. Вдобавок подобным авторам можно было почти ничего не платить.

Вторая группа – это по-настоящему талантливые писатели, острой нуждой подталкиваемые к созданию книг, которыми они, сложись жизнь иначе, растапливали бы печь своего имения. Но на дворе был не XIX век, а суровый XXI-й, и в эту эпоху им буквально нечего было есть... С людьми, находящимися на грани, работать заметно труднее, но сюжеты они предлагали лучше, интереснее. Дружбы она категорически не допускала, предпочитая, напротив, создавать непреодолимую дистанцию, исключаящую теплоту отношений и какое-либо давление с их стороны. А третий лагерь – это Горенов. Он был единственным исключением, автором, по которому она скучала, встреч с которым ждала и специально

готовилась к ним, посещая салоны красоты.

В любом случае никакая не «великая и ужасная». Более того, узнай она о том, что за глаза её называют Люмой, ей было бы скорее приятно. Предметом подлинной гордости Орловой являлась не работа, а действительно примечательная, в особенности для её возраста, талия. «Как у Гурченко», – думала она всякий раз, вертясь возле зеркала, словно ей нет и восемнадцати. Не сорок восемь сантиметров, но тем не менее...

Упомянутое прозвище было прекрасно уже тем, что вполне могло сойти не за Людмилу Макаровну, а за Людмилу Марковну. Если бы она услышала его, ей бы показалось, будто кто-то кроме неё повторяет эту мантру: «Как у Гурченко»... Так хотелось, чтобы кто-нибудь произнёс эти слова, чтобы они прилетели со стороны, из-за плеча или в лицо, а не шептать самой... Но, как назло, все молчали. Ничего не говорил муж, старый полковник, любящий собаку и дачу больше не только жены, но и Родины. Помалкивал взрослый уже сын... Впрочем, если бы он отметил талию матери, это скорее показалось бы ей странным. Да и откуда ему знать Гурченко? Нет, пусть кто угодно, кроме него. И как-то однажды вечером – она прекрасно помнила тот момент, и бокал вина в руке, и странное ощущение тошноты, нежелание читать, смотреть телевизор, бессонницу, нарастающее беспокойство, какой-то жар... Это вообще было похоже на болезнь, лёгкую, потешную, не заслуживающую упоминания,

но вот именно тогда Люма почему-то поняла, что более всего ей хотелось, чтобы именно Горенов сказал: «Как у Гурченко». Почему? Литературное ли дарование стало тому причиной или округлые ягодицы пловца, а также прошлое «морского волка»... У него ведь и китель с кортиком, наверное, есть.

Нет нужды изображать интригу, хотя Георгий старательно это делал. Сейчас он будто не обращал внимания на то, как глубоко и недвусмысленно она запустила свою руку в его волосы. Орлова начала практиковать подобное поведение сразу после того, как ей стало известно, что он разведён. Вероятно, целью было поправить причёску перед выступлением, не иначе...

В любом случае город и Люма немного отвлекли Горенова от его переживаний по поводу Истины, вылезающей из колодца в гневе и глядящей прямо на него. Из-за опоздания автора презентация началась слишком торопливо, сумбурно, но далее пошла размеренно – Людмила Макаровна мастерски выровняла темп. Между делом она подчеркнула, что представляемая книга прекрасна, как никакая другая на свете. Это не было реверансом в сторону фаворита, поскольку подобные минимальные сведения Орлова сообщала решительно о каждом выпущенном ею издании.

Всё, что она произносила, имело предельно общий характер, потому могло предварять выступление любого автора в диапазоне от Сорокина до Чехова, а также прозвучать при-

менительно к книге произвольного жанра и качества. Горенов давно подметил и высоко ценил Люмин профессионализм. Вскоре микрофон перешёл в его руки.

Сам он тоже был человеком опытным, и потому заговорил довольно бодро. Есть старый проверенный способ, как представлять романы, о которых, в сущности, нечего сказать. Сначала нужно сообщить публике, что автор не намерен говорить ничего о содержании своего сочинения, после этого следует незамедлительно начать пересказывать сюжет. Важно делать это путанно, ни в коем случае не последовательно. Это позволит без труда придать аромат таинственности тому, в чём нет никакой загадки. Ведь основной вопрос, который, по мнению Георгия, будет мучить читателя на протяжении нескольких сотен страниц, о чём же можно написать, когда всё ясно с самого начала.

Кстати сказать, тут Горенов заблуждался. Это в очередной раз показывает – правда, не ему – что собственных читателей автор частенько представляет себе превратно. Всё дело в том, что те люди, которые покупали его книги, любили их и охотно погружались в текст перед сном, в электричках, на дачах, пока спали малые дети – этот блаженный час в середине дня – пока варились каши, пока они ждали своей очереди к врачу, который вряд ли чем-то обрадует, пока сидели в банке, чтобы заплатить ни за что, или в приёмной у начальника... В общем, все они читали, вовсе не пытаясь предугадать развитие событий. Это не значит, что речь идёт о сквер-

ных или недалёких людях. В том-то и суть — его читатели были разными: плохими и хорошими, умными и глупыми, беспросветно несчастными и теми, кто иногда чувствовал себя счастливым, одинокими и семейными, порядочными и жуликоватыми... Если их что-то и объединяло, то лишь одно обстоятельство: они все покупали книги Горенова, причём совсем не для того, чтобы почувствовать себя умнее автора, не затем, чтобы посоревноваться с ним в прозорливости.

Самому Георгию было трудно это понять, поскольку он состязался везде и во всём. В последнее время он часто не дочитывал романы и не досматривал фильмы до конца, так как казалось, будто ему уже известен финал истории. На самом деле Горенов, как правило, ошибался, мерещившаяся ему развязка вовсе не соответствовала подлинной, однако узнать об этом писателю было не суждено, а значит, ничто не мешало ощущать себя победителем. Вследствие такого непрекращающегося состязания от Георгия ускользало одно из важнейших обстоятельств: те люди, которые читали его книги, зачастую любили их, а также самого автора, заметно больше, чем он сам.

Но в данный момент Горенов не думал об этом. В сущности, он вообще не думал, поскольку рассуждал хоть и боевито, но чуть ли не автоматически. Когда поток необходимых и достаточных слов начал иссякать, Люма предложила перейти к вопросам от публики, и вверх взмыл десяток аккуратных маникюров, а также браслетов и колец...

На встречах с писателями аудитория всегда бывала преимущественно женской. В случае мероприятий, посвящённых книгам детективного жанра, этот гендерный перекос мог бы оказаться чуть менее выраженным, но ведь вдобавок автор был мужчиной, а также моряком – этот факт стал широко известен поклонницам – так что одно нивелировало другое.

Безотносительно Горенова, как правило, дамы читают значительно больше. Причин много. Злые языки непременно заговорили бы здесь о праздности или мечтательности домохозяек, но суть не в том. Женщины куда сильнее интересуются духовной сферой жизни, потому что им важнее, чтобы она существовала. Чтобы в этом мире было что-то ещё. Иначе ради чего они, разочарованные и усталые, приносят в него новых людей? Зачем все эти муки? Ради чего терпеть рядом с собой мужчину, пульсирующий сгусток несовершенства, чувства к которому остывают значительно быстрее, чем Вселенная и овсяная каша на столе. Противоположный пол чаще вызывает у них жалость, чем любовь, потому многие дамы всерьёз перестают различать эти эмоции. Но энергии подобные отношения дают совсем немного. Может, хватит лет на десять... Кому-то – на пятнадцать... Тем не менее, как ни парадоксально, в женской, очень далёкой от истины позиции, будто миром правит любовь, куда больше надежды и даже практической пользы, чем в мужской, состоящей в том, что миром правят дебилы.

Оригинальных вопросов, на которые Георгию не прихо-

дилось отвечать прежде, на этот раз почти не было. Обычный набор:

– Как вы придумываете сюжеты?

– Вы сами могли бы сами совершить преступление?

– У вас есть связи в полиции? Они приглашают вас на интересные случаи?

Людей традиционно интересовало и то, как ему удаётся сочинять «не хуже Донцовой» или «на уровне Марининой». Горенов отшучивался, хотя именно из-за таких вопросов ненавидел презентации.

Мужчин занимало другое:

– Я хочу быть писателем, как вы. С чего мне начать? – спросил юноша с пространным взглядом и запахом изо рта. Он поднялся с последних рядов, и аромат никак не мог довестись до Георгия, но порой слишком многое о человеке можно сказать по внешнему виду. Парня, скорее всего, звали Михаилом. Что ему ответить?

– Поделитесь своим опытом, – не унимался юноша.

Его опыт был слишком странным. Горенову пришлось бы начать с того, что в первую очередь придётся полюбить море, потом проучиться, например, в Ростовском училище, далее обязательно бросить всё, создать крепкую семью и разрушить её, разметать в руины. И вот тогда что-то начнёт... может начать происходить... Но стоит ли? Зачем быть писателем, «как он»? Чтобы потом сочинять и печатать не то, что хочешь? Отвечать на постылые вопросы, а в свободное

время разгадывать непонятные сны? Зачем и кому это нужно? Кроме того, откуда этот мальчик может знать, какой он писатель? И как юноша представляет себе эту профессию? Ему вчера в школе описывали будни Пушкина с Толстым, и он во что-то там поверил? Дурной магнетизм, тяга оказаться в самой чаще сумрачного леса...

Всё это мазутным поездом прогромыхало в голове Георгия, но ответил он то, что было «положено». «Главное – писать», «не душить в себе», «давать выход идеям» и далее в таком духе. Кто велел это говорить? Хорошо, если тот, кто сегодня утром громогласно провозгласил в его комнате: «Точка». А если нет? Обязательно ещё вспомнить про «быть честным» и «настоящим». Словно существовала негласная договорённость между писателями, никогда не сообщать на эту тему ничего конструктивного, осмысленного... Хранить секрет... Не говорить правду...

– Как быстро вы пишете? – поинтересовались с первого ряда. – Сколько страниц в день?

Горенов опешил. Сам по себе вопрос был распространённым и, помимо прочего, обнажал совершенное непонимание: страницы страницам рознь. Но в данном случае имело значение, кто спрашивал. Изящное создание с аккуратной чёлкой и светлыми волосами интересовалось производительностью его труда. Внешне она лишь чуть старше его дочери и вовсе не поражала многократно воспетым в литературе сочетанием невинности и порока. Зачем, собственно,

Георгию невинность? Её роль для зрелого мужчины существенно преувеличена, тогда как важность порока трудно переоценить. Гумберт Гумберт юными девами не столько удовлетворял плоть, сколько заговаривал время. Горенов справлялся с этим при помощи моря. «Нежность воды надёжней всего, что я знаю». Значит, сейчас им двигал не слепой инстинкт самосохранения, помноженный на половой и возведённый в степень болезненной развратности. Он просто был восхищён сказочно-странной грацией и хотел эту женщину. Влечение без лишних арифметических действий.

Вообще, при чём здесь Гумберт? Речь же шла о взрослой девице, а не о подростке. Откуда тогда все эти сомнительные и жалкие литературные мысли? Но, будучи отцом, Георгий понимал, что у каждой женщины где-то есть мужчина, для которого она всегда будет маленькой девочкой. Потому мысли о Гумберте неизбежно возникали у него, чтобы оправдаться перед самим собой. Делать это приходилось нередко.

Едва ли не всякий раз, когда в поле зрения Горенова попадала привлекательная женщина, в его голове сразу возникали недвусмысленные фантазии. В первую очередь, исходя из телосложения, объёма груди и лепки лица барышни, он мгновенно «слышал», как бы та сладострастно стонала в постели. Георгий отчётливо представлял тембр, периодичность и характер этого звука. Иногда воображение вдобавок порождало картины того, как бы она выглядела в ходе полового акта, как её волосы, тщательно собранные в элегантную

причёску, расплескались бы по подушке...

Подобные мысли кому-то непременно показались бы странностью или патологической озабоченностью. Любая женщина, скорее всего, сразу пришла бы к такому выводу, но важно иметь в виду, что появлением этих картин Горенов совсем не управлял. Они возникали сами собой, как акт при-ветствия представительниц противоположного пола. Что-то вроде физиологической реакции организма. Появилась барышня – в ту же секунду на это отвечала фантазия.

Правда, в последнее время такие картины и звуки стали посещать Горенова заметно реже. И дело не в возрасте, не в здоровье. Просто почему-то в молодых дамах ему всё чаще виделись знакомые лица... Загадочным образом он замечал в случайно встреченных женщинах черты матерей или тёток одноклассников, гостей отцовского дома, маминых таганрогских подруг... А если знакомство уходило корнями в настолько далёкое прошлое, то воображать стоны барышни было как минимум странно.

Однако девушку, задавшую вопрос, Георгий определённо видел впервые. Его обезоруживал сам факт присутствия такого создания на презентации детективного романа. Неужели она читает? Сколько он ни пытался представлять себе свою аудиторию, ни разу фантазия не порождала никого подобного. Что ей ответить? Как сделать так, чтобы она ещё раз открыла свой ротик? Почему вообще её мог интересовать такой вопрос? Она что, тоже – писатель?.. Писательни-

ца... Нет, уж в это поверить, извините, невозможно. Лучше приврать, преувеличить или, наоборот, поскромничать? Пожалуй, перед такой скромничать не надо.

— Знаете, давайте не будем вмешиваться в работу нашего дорогого... — Люма пришла на выручку, прервав затянувшуюся паузу. Возможно, у неё были и свои причины вступить в разговор.

— Много!.. — перебил её Горенов. — А стараюсь ещё больше! Но, поймите, куда важнее, сколько из этого потом остаётся в книге.

Посыпались другие вопросы. Беседа набирала обороты, так как автор в ответах стал красноречив и напорист, думая только о том, как заставить незнакомку снова спросить о чём угодно... Важно ли о чём?

Георгий предпочёл бы не сводить с неё глаз, но это было рискованно, потому с усилием он оглядывался по сторонам, заставляя себя смотреть на Орлову, на паренька со смрадным дыханием, на остальных... Через сорок минут Люма решительно объявила последний вопрос, прошептав ему: «Прости, я не готова сидеть здесь до ночи».

Далее последовали автографы. Люди подходили с приобретёнными книгами, раскрытыми на титульном листе, а Горенов прилежно наносил на них свою подпись и дату, уточняя, к кому именно следует адресоваться. Он подписывал экземпляр за экземпляром, но в то же время ждал и рыскал глазами по толпе. Больше всего хотелось, чтобы и она подо-

шла к нему. Тогда он узнает её имя, а может... Ошеломлённая фантазия внезапно прервала свою работу, поскольку девушка действительно оказалась перед ним. К чёлке и волосам прибавились точёные скулы, острый подбородок. Он сидел, она стояла. Живописцы явно недооценивают подобный ракурс – взгляд на женщину снизу вверх.

Георгий наивно попытался изобразить самообладание.

– Кому? – спросил он спокойно и сразу улыбнулся.

– Ольге и Уильяму, – ответила барышня. Её хладнокровие выглядело обезоруживающе неподдельным.

Горенов совладал с собой и начертил-таки: «Ольге и Уильяму, дружески, от автора». Что делать теперь? Вернуть книгу и потерять её навсегда? Угомонись, как можно потерять женщину, которая не твоя. А кольца-то на пальце нет... И следа от кольца тоже не видно... След – лучше всего, значит, многие иллюзии уже в прошлом, а если сняла специально – значит, чего-то хочет... В любом случае есть же у неё какой-то там свой Шекспир...

Георгий хотел предпринять что-то, дабы их знакомство – а ведь это уже вполне можно считать знакомством, раз он знает как её зовут, а ей известно его имя – не оборвалось так бездарно и непоправимо. Если она уйдёт?.. Удастся ли найти её потом? А искать, похоже, придётся, ни одна женщина давно не производила на него такого впечатления, не казалась столь незнакомой и желанной.

– У меня маму тоже Ольгой зовут, – промямлил Горенов.

– М-м-м, – кивнула она, улыбаясь ему всё более дружелюбно. Наверное, точно так же девушка смотрела бы на душевнобольного. Разглядеть за этой улыбкой вспыхивающую взрывом страсть не позволяла даже богатая фантазия. Незнакомка взяла подписанную книгу и исчезла в толпе ещё не одарённых автографом читателей.

Георгий продолжил торопливо наносить свою загогулину на экземпляры, желая лишь стремительно бежать за ней. Он уже не спрашивал, кому адресоваться, оставляя на титульных листах только подпись и дату, подпись и дату, подпись и дату. Четверть часа он жил надеждой на то, что Ольга ждёт его у выхода.

Юношеские мысли энергичного ловеласа удивляли даже самого Горенова. Через мгновение ещё сильнее его поразило другое: он уже давно совсем не думал про Истину, вылезающую из колодца. Будто в один момент времени его мысли могла занимать только одна женщина, реальная или более чем реальная... Незнакомка стала его истиной? Нет, конечно, она для этого слишком красива. Может, наоборот, прелестная читательница – искушение, зловещий субститут, который коварно «подослали» к нему, чтобы отвлечь от того загадочного и важного, что начало происходить с утра? То же вряд ли... Хотелось думать, что Ольга слишком красива и для этого. Кроме того, если всё так, то какая инстанция стала бы её отправлять?

Ответ на вопрос о том, кто мог диктовать слова, точки и

другие знаки препинания, не был сформулирован, но казался понятным в общих сумрачных чертах. В данном же случае дело представлялось куда более таинственным. Георгий не сомневался, что величественные тёмные персонажи вроде дьявола не стали бы заниматься подобными вещами. Однако ему было известно наверняка, что на свете существует очень мощная сила, даже стихия, имеющая целью... Скорее всего, у неё множество целей, но одна из них состоит в том, чтобы не дать писателю закончить текст. Если на ранних этапах ей не удалось помешать открыть, нащупать, сформулировать базовую идею, то потом она проявит максимум изобретательности, чтобы не позволить воплотить, закончить, не давая сидеть на месте, склоняя в сон или поражая соблазнами и сомнениями.

«Сопротивление бытия» – название странное, абстрактное, электротехническое, но именно потому очень точное. Не сговариваясь, его упоминают многие литераторы. Это заставляет задуматься о том, что некто могущественный всё-таки воспринимает текст как синтетическое «небытие», как восковые фигуры мертвецкого розово-жёлтого цвета. Следовало ли об этом рассказывать зловонному юнцу?

Допустим, Ольга оттуда... Тогда и с именем всё встаёт на свои места: естественно, ему подослали девицу, которую зовут так же, как его мать. В таком случае тем более важно найти её, причём скорее. Быть может, удастся спросить... Только как сформулировать вопрос? «Скажите, вы, случайно, не

„часть той силы, что вечно хочет зла“?..»

Люди неспешно покидали зал, помещение почти опустело. Стремительно прогрессирующая близорукость не позволяла Георгию разглядеть лицо, но у двери действительно кто-то ожидал... Тёмная фигура, заметно более крупная, чем изящная Оленька... «Чёрный человек»? Рановато пришёл.

– Гошенька, что ты зависи? Пойдём, пожалуйста. Сколько мы здесь ещё будем сидеть?.. – ласково поманила его Люма. – А то меня Павлик дома заждался, он же один и поесть не сможет, – торопливо добавила она.

Не будучи опытной изменницей, Орлова испугалась, что её «мы» и «пойдём» Горенов воспримет слишком прямолинейно и безотлагательно. Иными словами, услышит то, чего ей и хотелось. Потому от внезапно нахлынувшей паники Люме пришлось «подбросить» в это смысловое поле полковника Павлика. Хотя знает ли Георгий, как, собственно, зовут её мужа?

Адюльтеры случались в жизни Орловой и прежде, но всегда как-то суетно и неказисто, не принося с собой ни утешения, которого она ждала, ни особого удовольствия. Больше назойливых волнений и хлопот. Они происходили скорее от скуки и отчаяния, но с Гореновым всё должно было сложиться иначе. К нему её манило что-то другое. Она сторонилась высокопарных слов, особенно заканчивающихся на мягкий знак. Не сейчас. Она скажет, но никак не раньше, чем бу-

дет готова. И не надо её торопить! «Ты меня понял, Гошенька?» – будто спрашивала Люма своим влажным взглядом.

Но Гошенька был погружён в свои нелёгкие противоречивые мысли, и если о ком-то в данный момент не думал вовсе, то именно о ней. Торопливо собравшись, он предложил Орловой руку, чтобы подняться. Это был рефлекс галантности, хотя она так пылко схватилась за неё, что, очевидно, восприняла жест иначе. Горенов быстро повёл её к выходу, к своему «чёрному человеку», и когда пара спустилась со сцены, а фигура у двери сделала несколько шагов навстречу, Георгий не поверил своим глазам.

Причин было две. Во-первых, перед ним стоял Борис, которого он так хотел увидеть. А во-вторых, и это ранило в самое сердце, на первом ряду, на том самом стуле, который всё ещё хранил тепло Ольгиной попы, лежал экземпляр его детектива. Значит, она не ждёт за дверью... А может, вернётся за забытой книгой?

– Здравствуй, Горенов, – протянул Борис, опуская глаза. Со стороны, такое приветствие могло показаться странным. То ли он пришёл с неловкой просьбой, то ли ему совестно за что-то, совершённое им в прошлом, то ли, напротив, стыдно из-за того, что Георгий декламировал недавно со сцены... Но они дружили слишком много лет, и оба знали, таков обычный модус поведения застенчивого Бориса.

– Добрый вечер... – сказал он на этот раз Орловой. Теперь ему было неловко оттого, что не поздоровался в первую оче-

редь с дамой.

– Привет! Как же я рад тебя видеть! Людочка, это Борис Живаго, я вас уже знакомил, кажется, – здесь он ошибался, Горенов лишь рассказывал ей о своём «талантливом друге». – Боря, нам обязательно надо поговорить, только подожди, кто-то книгу забыл...

Георгий попытался сделать шаг к Ольгиному стулу. Осталась последняя надежда, вдруг на титульном листе его ждал номер телефона, молящий: «Позвони мне!» Или адрес электронной почты. Или ссылка на соцсети... Хотя что-нибудь, кроме надписи «Ольге и Уильяму, дружески, от автора». Но Люма оказалась проворнее. На ходу она успела сказать:

– Да-да, я помню. Думаю, вам есть что обсудить, а книгу я поставлю на полку. – Орлова была скорее рада появлению незнакомца, которое счастливо избавляло её от страстного напряжения и необходимости здесь и сейчас принимать всё ещё нелёгкое решение. Забытый детектив удачно помогал вдобавок избежать разговора с Борисом. Хотя Людмила Макаровна и видела его впервые, она отлично помнила, как Георгий пытался сосватать ей друга в качестве автора. Здесь важно было не дать слабину. Нельзя допускать, чтобы её отношение к Горенову влияло на работу и политику издательства. Она готова ему отдаваться, но не подчиняться! Да и взгляните на этого Бориса со странной фамилией: человек даже не понимает, что если он настолько неряшлив, то ему

нельзя носить светлую одежду. Валится у тебя всё изо рта, так к чему этот бежевый, почти белый пуловер? Надень пёстрый свитер, и никто не увидит твоё меню. Что может написать автор, который не осознаёт такие очевидные вещи? Разумеется, только интеллектуальные романы и философскую прозу. Этот никогда не стал бы сочинять детективы и истории любви. Что он знает о страсти и преступлениях? Что он знает о жизни, кроме вычитанного в чужих книгах? Вот Гошенька не такой...

– Как на полку? – забеспокоился Горенов. – А если там автограф?

– Я проверю, не волнуйся. Ступайте. Спасибо тебе, ты был прекрасен как всегда... Или как никогда, – отпустила она шутку напоследок, но Георгию в этих словах померещилось что-то жуткое.

– С тобой я тоже хотел поговорить... – раздосадованно добавил он. Обе беседы были важными и безотлагательными. Впрочем, с Люмой можно встретиться в любой момент... по будням, в рабочие часы. А чтобы увидеться с Борисом, требовалось благоволение каких-то особых сил.

Орлова восторгалась. Как и многие другие женщины, она была уверена, будто её сердце обмануть нельзя. Разбить можно, ввести в заблуждение – никогда.

– Тогда приезжай завтра в издательство... Ой, нет, – это, пожалуй, слишком быстро. Маникюр, причёска, маски, шеллак, в спа сходить неплохо бы... – Давай послезавтра.

«Победитель» стоял и безучастно смотрел, как Люма взяла Ольгину книгу и проследовала с ней в направлении выхода. Его надежда осталась где-то там, под обложкой или между страницами. Странное дело, сегодня ни в одной ситуации он не мог управлять происходящим, неизменно оказываясь даже не в положении ведóмого, скорее импонирующем автору, но в роли случайного наблюдателя, присутствие которого здесь и сейчас – не более чем стечение обстоятельств.

– На самом деле я давно хотел поговорить... – начал вяло Борис. – Только как тебя найти? Звонить было неудобно... А тут услышал по радио, что будет презентация, и решил...

– Да, видишь, все со всеми хотели поговорить. Ладно, пойдём, – ответил Горенов, озабоченно провожая Орлову взглядом.

– Понимаешь, – друг стоял на месте, – мне, пожалуй, нужен совет... или даже помощь.

– Понимаю, понимаю, пойдём, говорю, чего ты застыл?

– Куда?

– Мы здесь будем разговаривать?

– А где?

– Тут ресторан хороший есть неподалёку, пойдём.

– Слушай, я на мели. – Борису стало неловко ещё по одному поводу.

– А когда было иначе? Не переживай, я угощаю.

В этих словах не было надменности и чувства превосходства. Напротив, они были полны дружеской теплоты и радо-

сти от встречи до такой степени, что даже сам Георгий поразился. Сегодня всё было удивительным. Как же он соскучился по этому нелепому, но дорогому человеку. Встретить его именно в тот день, когда кто-то будто забрал из его рук рычаг управления происходящим... Когда ему показали Ольгу и отняли, быть может, навсегда... Когда из колодца высунула своё недовольное лицо сама Истина... Определённо за этим стояло что-то куда более значительное, чем удача.

Борис тоже считал себя писателем от природы, однако ему, в отличие от Горенова, никого убеждать в этом не приходилось. Напротив, убеждали его. Убедили. Коренной петербуржец, родившийся в семье, состоящей сплошь из филологов, переводчиков и литераторов, уже в школьной творческой студии он не сомневался в своём призвании. Иногда ему казалось, будто этот путь начался с яслей для отпрысков творческих работников, место в которых выхлопотал ему дед. Нынче такого заведения не существует, а раньше оно находилось возле Матвеевского садика на Петроградской стороне. Правда, Бориса озадачивало то обстоятельство, что, кроме него, больше никто из тамошних карапузов, с которыми они сначала сидели на одних горшках, а потом вместе отмечали дни рождения друг друга, передавая многословные и витиеватые поздравления от родителей, с литературой свою судьбу не связал. Такое впечатление, будто в их семьях детям объясняли не то же, что ему...

Часто династии продолжаются поневоле, по инерции. Картина мира целой семьи тисками десятилетий сужается до профессиональной сферы, пока, наконец, у потомственных врачей не появляется выродок, не способный сопереживать и категорически лишённый желания быть полезным другим. В результате череда прерывается позже, чем должна была,

оставляя напоследок вереницу несчастий, страданий, а то и смертей. А если не профессия? Скажем, люди из поколения в поколение занимаются альпинизмом. С детства ребёнок слышит истории о том, как это интересно и замечательно. В доме – картины и календари с заснеженными вершинами. Малышу нравится, какое внимание всякий раз привлекают к себе отец и дедушка, когда рассказывают про горы. Но у него самого способностей к этому делу нет. Человека ожидала совсем другая судьба, но он не знал, что в выходные можно не ездить на скалы, а лето проводить не в альпинистских лагерях. Просто у них в семье так было заведено. Кроме того, снаряжения и экипировки хватит даже его внукам. Другого хобби квартира не выдержит. Знаете, сколько всего нужно, чтобы лазать по горам? Куда, спрашивается, всё это девать, если никто не будет пользоваться? Так легко запутаться и по ошибке принять призвание близких за своё собственное. Но высшую механику не обманешь, и в конце концов хороший парень, который мог бы стать врачом, куда лучшим, чем упомянутый потомственный медик, разбивается насмерть. Ну, не было у него той концентрации, надёжных физических кондиций и ощущения ответственности, которые обычно прилагаются к настоящим альпинистским способностям. Ладно ещё, если один погиб, а вдруг был в связке? Плохо забил крюк и кого-то утащил за собой... А у того второго, может, как раз и была судьба ходить по горам до старости, но если пристегнулся к тому, кто ошибся с выбором,

то – пиши пропало... В общем, неверно найденное призвание, профессия или хобби, полученные по наследству, часто играют дурные шутки. Но Борис был писателем настоящим. Сам по себе. И всё их семейное прошлое иногда казалось ему лишь тяжёлым и неудобным заплечным мешком. Вовсе не бесполезным, нет, однако он и без него стал бы литератором, хоть и другим. Вот разве уроки деда... Их он с гордостью нёс за спиной.

Вследствие воспитания литературный труд Борис воспринимал не иначе как служение. Более того, с малых лет множеством назидательных примеров он был абсолютно убеждён в пророческих и провидческих свойствах подлинного искусства. Повзрослев, писатель решил использовать это на практике, потому предусмотрительно сочинил множество романов, если не на все, то на многие случаи жизни. В одном из них, например, главного героя с очень редкой болезнью сердца – автор определял именно его как своё слабое место – счастливейшим образом, вопреки прогнозам и ожиданиям, исцелял хирург, мировое светило. Более того, за уникальную операцию он не взял ни копейки, потому что, по его собственным словам, как только ему сообщили о пациенте, врач сразу ощутил необходимость спасти этого человека. Так, согласно идеализированным представлениям Бориса, функционировал духовный телеграф.

Помимо общей литературной защиты на случай серьёзных проблем со здоровьем, упомянутый роман сулил ещё и

такую красивую ситуацию: пока автор будет лежать на операционном столе или в коме, журналисты непременно откопают текст и начнут в один голос повторять: «Он знал! Он предвидел!» Хирург, быть может, захочет получить с пациента столь обязательную нынче мзду, но тоже узнает о книге и сразу поймёт высший намёк. Красота!

А если ничего подобного в жизни Бориса не произойдёт? Что ж, на эти случаи он заготовил другие произведения. В одном из них героиня – персонажи не обязательно должны быть мужчинами – выживала в чудовищной авиакатастрофе. Автор написал этот текст вскоре после окончания университета. К тому времени летать на самолётах ему не приходилось: дорого и страшно. Но после публикации романа боязнь погибнуть по вине техники пропала полностью, хотя проблемы с деньгами остались. Это обстоятельство повлекло за собой следующую книгу, герой которой – простой художник, не стяжатель, не барыга, не халтурщик. В самом начале произведения его кошелёк пуст, живописец едва не умирает от голода, но средства на всё необходимое внезапно начинают находить его сами собой. Даже делать ничего не приходится. В свою очередь, герой не тратит стихийные заработки бездумно, как обычно поступают его коллеги, получившие шальные копейки. С их помощью он, помимо прочего, начинает помогать другим. Имелась в сюжете и любовная линия – художник находит себе жену, красивую и покладистую, которая, хоть и появилась тогда, когда он уже не бедствовал,

пришла вовсе не из-за денег, а от восхищения талантом.

Может сложиться впечатление, будто всё это поверхностные истории. Вовсе нет, поскольку кроме упомянутой общей канвы происходящего имелись и другие линии, а также смыслы. Борис писал заметно более глубокие и изощрённые произведения, чем детективы его друга – это было ясно обоим – а потому его книги трудно издавались, не снискали популярности и пылились на полках магазинов годами.

Тем не менее он оставался верен себе. Последовали романы о чрезвычайно талантливых детях, которые вдобавок никогда не болеют, о небольшой группе искренних творческих единомышленников, в которой все вместе могут куда больше, чем каждый по отдельности, об огромном доме, одаривающем своего хозяина счастьем, о случайных выигрышах в лотерею и о многом другом, чего так никогда и не случилось в жизни Бориса.

Стоило только взглянуть на него, как становилось ясно, что он одинок, беден, обитает в какой-то старой квартире, большую часть которой сдаёт для прокорма, потому до сих пор так ни разу и не летал на самолётах, хоть уже совершенно этого и не боится. Парадокс его судьбы состоял в том, что он, будучи писателем от природы, всей своей жизнью опровергал – ни много ни мало – радостную и торжественную «легенду о литературе», которую в его семье передавали по наследству от отца к сыну.

Этот вывод можно считать пределом его амбициозности.

Прежде чем прийти к нему, Борис сочинил и историю с трагической страстью, и еще несколько романов о болезнях – всё-таки ипохондрия дело серьёзное – и текст о стихийном бедствии, поглотившем выдающегося скульптора вместе с горой, из которой он ваял своё монументальное творение. Однако решительно ничего такого в его жизни не произошло. В том числе не случилось ни одной заметной неприятности. В качестве панацеи он начал писать нон-фикшн – документальную литературу, биографии, то есть уже сбывшиеся истории. Но и это не приносило успокоения.

Для того чтобы не разочароваться окончательно, чтобы оправдать перед самим собой всё, что лежало в основе его воспитания и в каком-то смысле в фундаменте веры, теперь требовалось, наконец, создать текст, который оказался бы сбывшейся правдой. При этом весь прошлый творческий и жизненный опыт Бориса подсказывал, что единственный путь – писать о безнадёжной тщете усилий и невозможности влияния посредством работы духа. О том, что ничто не стоит ничего, что все причинно-следственные связи, более сложные, чем нанесение удара и получение сдачи – либо обман, либо фикция, либо заблуждение. Его собственная биография подсказывала, будто в этих выкладках всё верно, хотя возникало твёрдое ощущение какого-то изъяна, от которого он сам избавиться не мог. Словно такой взгляд лишал не литературу, а его самого чего-то главного. Кроме того, он боялся, что если сядет писать такой текст, то вот тогда-то и

начнётся... Болезни, стихийные бедствия...

С этими проблемами Борис и отправился на презентацию нового детектива своего друга. Признаться, сочетая в себе бремя патологической скромности с крайним снобизмом, он был убеждён, что чтение, равно как и написание такого рода книг – занятие недостойное представителей вида *Homo sapiens*, поскольку оно разлагает личность и атрофирует мозг. Но, вот ведь ирония, бредя рядом с Гореновым, он видел, что тот, судя по всему, не деградировал. Шли годы, а Георгий оставался таким же живым и, в общем, неглупым... По крайней мере значительно умнее своих сочинений.

Борис вспоминал их первую встречу много лет назад, в литературном клубе на Литейном проспекте, возле «Большого дома», возведённого архитектором по фамилии Троцкий. С тех времён его спутник стал значительно лучше, куда интереснее, он, безусловно, прогрессировал. Похоже, если кто-то из них двоих разлагался, то точно не Горенов.

За прошедшие годы Георгий часто и много выручал Бориса советами, деньгами, вещами и не только... Без него непутёвый друг пропал бы наверняка. Уж квартиру бы потерял точно. Был случай, когда лишь сообразительность и быстрота реакции Горенова спасла его от «чёрных риелторов». А лишиться жилища значило бы погибнуть. Выживать он не умел.

«Помогая другим, мы помогаем себе», – повторял дед Аркадий, рассказывая очередную фронтовую историю. Внуку

не нравилась эта фраза, в ней был какой-то расчёт. Будто просто так выручать никто бы не стал. Потом он обратил внимание: мама никогда не подавала милостыню на улицах, но стоило Бореньке заболеть, простудиться или подхватить грипп, как она начинала делать это безудержно, при всяком удобном случае. Ребёнок выздоравливал, и она вновь переставала.

Вообще во всём, что приобретает афористический, универсальный статус, сквозит неискренность. Говорят, например, будто человек становится лучше, если хорошо относится к тем, кто плохо относится к нему. Это же просто замаскированная последняя надежда, откладывание неизбежного, не более того...

Со своей стороны, Борис считал, что сам он помог Георгию лишь единожды, приютив его тогда, в начале их дружбы. Во сколько крат больше сделал для него Горенов, всегда оказывавшийся рядом, когда нужно. Ведь это такая удача, встретить его именно сегодня. Понятно, никто не считает, кто кому сколько раз пришёл на выручку, но как можно прогнать эти мысли из головы?

Борис боялся... Он очень боялся, что рано или поздно ему тоже придётся писать бульварное чтиво. Но пример Георгия – реальный и яркий прецедент того, как человек может заниматься этим, оставаясь собой, не истлевая, не превращаясь в пепел. Однако вся прошлая жизнь подталкивала к выводу: если что-то под силу Горенову, значит, Борис наверняка не

сможет. Не вывезет. Страшно.

Тем временем они пришли в ресторан и даже успели расположиться за столиком в углу. Георгий любил это заведение, а его спутник, разумеется, здесь никогда не бывал, хотя посещал музей-квартиру Некрасова неподалёку. Друзья уже опрокинули несколько рюмок, без тостов, потому что пока каждая была «за встречу».

– Может, я не прав, как ты считаешь? – рассуждал Борис заметно менее застенчиво, поскольку быстро охмелел. – Может, я с рождения заблуждаюсь? Или меня неправильно научили?.. Понимаешь, всё то, что я ощущаю внутри, всё это искусство, оно настолько чище того, что я вижу вокруг... Что встречаю вовне... Ради того, что внутри, я могу хотеть жить, но это значит жить ради себя и больше ни для кого и ни для чего. А разве так можно?

Борис умел не только писать, но и произносить слово «искусство» без кавычек, чтобы оно оказывалось на своём месте и выглядело довольно значительно. Но сейчас это не помогало. Георгий смотрел на него скептически. Тот продолжал:

– Ладно, допустим, так можно и правильно. Но ведь только я могу захотеть жить ради того, что во мне. Никто другой не захочет. А мне очень нужно, чтобы захотели, понимаешь? Но как это сделать, если не удаётся вынести из себя ничего важного... Если невозможно вынести даже невозможность вынести... Такое впечатление, будто я пишу для единственного человека. Догадайся, для кого... Это меч Экскалибур

может торчать из камня и ждать одного рыцаря, избранного, назначенного судьбой. А текстов, нацеленных на единственного читателя, быть не может.

– Успокойся, – произнёс Горенов, наливая другу очередную рюмку. – Все через это проходили, понимаешь? Издержки профессии. Ты же писатель! Вот скажи: «Я – писатель!»

– Оставь, пожалуйста! – Борис поморщился. – Нельзя так говорить о себе: «Я – писатель». Это не этично. Можно сказать только: «Он – писатель».

Георгий пожал плечами. Ему легко было согласиться, что неловко говорить о себе «я – хороший писатель», но даже это звучит ничуть не более жалко, чем утверждения «я – хороший врач» или «я – хороший любовник».

– Тогда сядь перед зеркалом и повторяй: «Он – писатель». Сам посуди, ты пишешь много часов в день, без выходных. Я тоже. А когда не пишешь, то читаешь... чтобы потом писать. А когда не читаешь, то думаешь о том, что напишешь. Сочиняешь. Так кто ты после этого? Повар? Плотник? Водитель? Вот врать, Боря – это не этично. В том числе и самому себе. Просто не нужно вкладывать в название ремесла больше, чем оно значит на самом деле. Ты действительно писатель, тут уж ничего не поделать, но это такая же работа, как другие.

В завершение фразы Горенов выпил и хлопнул дном рюмки об стол. Банально, но эффектно. Трудно было сказать, от чего он поморщился – от водки или от собственных сужде-

ний. Именно этого так не доставало Борису – умения выйти победителем даже тогда, когда твои позиции куда более зыбки и ущербны. Сделать вид, что под тобой есть почва, поверить в это самому и смело шагнуть... Не сомневаться до такой степени, чтобы даже нога не провалилась, чтобы и зыбкая болотистая жижа поверила, будто она – твердь. Тогда удастся сделать следующий шаг, потом следующий... Тогда можно идти, не сомневаясь: другие люди непременно полюбят то, что внутри тебя. Зачем же он пишет чудовищные детективы, если ему под силу создавать всё что угодно?..

Борис не мог произнести: «Я – писатель», хотя в своём призвании был убеждён гораздо сильнее, чем Горенов. Собственную судьбу он никогда не менял. Здесь, вероятно, и таилась проблема. Уверенность потомственного литератора в том, что духовный и материальный миры представляют собой сообщающиеся сосуды, переживала не лучшие времена. По его мнению, у автора должны формироваться какие-то особые отношения с бытием, а потому он постоянно чего-то ждал. Какого-то подарка: идеи, вдохновения, выигрыша в лотерею, скидки, снисхождения. Борис ощущал, будто он у кого-то на содержании, на окладе в какой-то высшей канцелярии. А уж если и там нынче не платят вовремя, то как вообще жить?

Георгию тоже стало неловко. Друг был не в форме, стыдно смотреть на это, когда не в силах помочь. Он решил не продолжать, так будет только хуже. Сам Горенов старался под-

ходить ко всему, как к морю. Каких подарков ждать от стихии? Хорошо, если она смиростивится и не убьёт сегодня, но тут многое зависит и от тебя самого. Если сидеть на берегу, то наверняка не утонешь... но и помрёшь на том же берегу. Помогли бы Борису такие рассуждения?

– Ты знаешь, я давно понял, что нет никакого таланта. То есть, может, он и есть, но на самом деле каждому под силу развить в себе творческие способности. И, пожалуй, первое, что нужно для этого сделать – полностью заиклиться на собственном «я». Сколько себя помню, мне всегда хотелось писать, но, чем дольше я этим занимаюсь, тем чаще вижу вокруг одни руины.

Друзья сидели, глядя в разные стороны. Георгий уставился на обои со сложным геометрическим узором, а Борис – на людей за окном, потому было не совсем понятно, кто из них произнёс последнюю фразу.

– Что ты замолк? Опять блуждаешь глазами по лабиринту? Ваше обсессивно-компульсивное расстройство давно следует признать инвалидностью, – если уж Борис о чём-то и пытался шутить, то в первую очередь – о болезнях.

Горенов улыбнулся, не отрывая взгляд от стены. Он действительно заблудился в орнаменте.

– Инвалидностью, не инвалидностью... Может, если бы все обращали на внимание не на ерунду, а на то, что важно, весь мир был бы другим. И жили бы иначе... И книги хорошие читали...

Георгий говорил несерьёзно. Однако даже шутя, он всё равно побеждал в споре. Борис начинал сердиться. Не столько от несогласия, сколько от бессилия.

— А у тебя, можно подумать, всё в порядке! Вот ты пишешь свою ахинею и всем доволен? Умеешь всё устроить! Знаешь, как надо!

Внешне Горенов сохранял спокойствие, настроение друга всегда колебалось, словно натянутая струна. К тому же он изрядно выпил. Хотя столь явных ноток зависти и злости прежде вроде бы не звучало. Что изменилось? Слух Георгия или его собеседник? Быть может, он прав в том, что никогда прежде не рассказывал ему про книгу G? Ведь если бы, зная о ней, он повёл себя так же, сейчас не удалось бы сдержаться. Наверное, и не стоит пока говорить. Не время. Да и может ли что-то посоветовать ему этот изломанный человек, так не похожий на его старого друга?

Раньше Горенов обязательно показывал ему каждый свой текст. Немыслимо было этого не сделать. Советы товарища значили много для них обоих. Георгий заглянул в глаза напротив. Там открывался не лабиринт, а тоннель... Колодец с загадкой на дне: куда всё делось? Прежде Борис тоже признавал, что для него нет человека ближе Горенова, что он всегда будет прислушиваться к его мнению... Видимо, «всегда» уже прошло и осталось позади. Интересно, как он считает теперь? Размышляет ли о том, почему, куда и когда всё сгинуло? Где то, что раньше заставляло их радоваться и смеяться-

ся, восхищаться и завидовать. Наверняка он убеждён, будто Георгий променял это на детективы, деньги и успех, который ему кажется то ли эфемерным, то ли токсичным. Если так, то Борис в данный момент не сомневается, что перед ним не тот человек, с которым он познакомился много лет назад совсем неподалёку. А значит, может, и перед Гореновым вовсе не старый друг, а кто-то другой. Тогда определённо не стоит ничего говорить про Истину.

– Да ну тебя, – Георгий попытался сгладить острую реакцию, хотя ему было неприятно. – Что я знаю? Знал бы, думаешь, сидел бы сейчас здесь с тобой? – закончил он двусмысленно.

Стало совестно вдвойне. Немощному Борису было под силу причинить настоящую боль только тем, кто был к нему равнодушен и добр. Для всех прочих от оставался абсолютно безобидным и беспомощным до ничтожности. Ссориться окончательно не хотелось. Что ж, имелся проверенный способ, как спасти ситуацию. Борис хорошо освоил его ещё в детстве: нужно начать жаловаться на собственную слабость. На такого никто сердиться не станет. От скольких туманов и неприятностей его уберёг этот нехитрый метод. Поможет и теперь.

– Понимаешь, я не представляю жизнь до такой степени... Подумалось недавно, ведь даже если бы у меня на одни сутки появились какие-то сверхспособности – например, летать бы научился – я не знаю, что с этим делать? Как воспользо-

ваться удивительным шансом? Скажем, как достать огромные деньги, чтобы потом жить нормально. Ты пойми, я не смог бы ограбить банк, даже если бы умел летать или становиться невидимым. Мне и чудо не поможет стать счастливее. А уж без чуда...

Борису не пришлось ничего выдумывать, всё так и было. Как же сильно он изменился... Наверное, это произошло из-за нищеты. Сколько они не виделись? Безденежье чудовищно портит литературу. Многие писатели теряют из-за него нравственные ориентиры и совесть.

– А чего ты всё про материальные ценности? – попытался сбить градус накала Горенов.

Борис засмеялся, потом покраснел, но выглядел уже не так жалко, хотя продолжал ныть:

– Может, с такими возможностями нужно было бы совершить что-то совсем другое, но я не знаю что... Глупо в тот единственный день, когда ты умеешь летать, сидеть у себя дома за письменным столом. Но, скорее всего, я бы так и поступил.

– А ты представляешь, сколько полёт может дать?.. – напрашивалось слово «вдохновения», но Георгий сдержался. С давних пор у них было не принято использовать подобные несостоятельные термины. – ...Дать тебе как автору. Можно же написать роман от лица птицы.

Борис махнул рукой:

– Это никому не интересно... Ты уже давно мог бы на-

писать текст от лица рыбы, но почему-то не пишешь. – Он взбодрился, найдя такой крепкий контраргумент. В голосе появились нотки гордости.

– В том-то и проблема, Боря, ты странно смотришь на жизнь. Думаешь, что если не смошенничать, то счастливым стать не получится. Ты воспринимаешь спокойное существование как какой-то немыслимый трюк. А тебе нужно писать и не волноваться.

– Гоша, я не знаю, что делать... Я хочу просто жить...

– То-то и оно! Ты хочешь просто жить, но думаешь о том, как сжульничать. Как обхитрить судьбу. А жульничают те, кто хочет большего, чем «просто жить». Те, кто хочет победить. Хочет, но не может. Тогда они подделывают результаты, принимают допинги, воруют, присваивают чужое... Если действительно хочешь просто жить? Просто живи! Успокойся, Боря! – Горенова медленно наполняла зависть. Он сам бы хотел оказаться на месте своего собеседника. Чтобы кто-то поговорил с ним в таком тоне. Не поддержал, а скорее «прочистил мозги». Какая это, в сущности, сказочная роскошь – сомневаться, советоваться... Но на свете теперь не было человека, который мог бы ему с этим помочь.

– Что ты! – отмахнулся Борис. – Я не хочу победить. Это лишнее, баловство. Но тебе не кажется, что иногда нужно сжульничать для того, чтобы просто не пропасть? Или чтобы проиграть окончательно и дать начаться другой игре?

Георгий не хотел отвечать. Он сердито чокнулся с рюм-

кой, стоящей возле друга, выпил и продолжил рассуждать так, как ему было удобно:

– Я никогда не мог понять, почему ты не хочешь выиграть.

– Потому что слабое сильнее всего. И надёжнее всего. Любой победитель рано или поздно проиграет. Послушай... – стало видно, что Борис начал сочинять. При этом его лицо всякий раз становилось увереннее и спокойнее. – Ты говоришь, кто-то жульничает, чтобы выиграть. Но что, если обманщик окажется неумехой или неудачником, а потому в результате потерпит поражение? Значит, может случиться и наоборот: кто-то станет хитрить, чтобы проиграть, а в результате победит. Сейчас же вообще – «время наоборот». Теперь бы не дьявол пришёл к Богу, а Бог пришёл к нему и предложил: отдай мне хотя бы одного...

– Нет, – Горенов поморщился, – я тоже люблю ставить с ног на голову, но всё перевернуть не удастся. Если ты пытаешься проиграть в шахматы, отдавая собственного ферзя даром, ты вряд ли сможешь случайно выиграть.

– А в покер? – Бориса всё сильнее охватывал азарт. – Это же зависит от игры, Гоша. От её правил. Хочешь поражения, сбрасываешь тузов, а в результате тебе приходит стрит или флеш!

Он не был картёжником, но в каждой писательской голове хранится множество странных сведений на случай: авось пригодится. Вот и пригодилось. Такой Борис, вошедший в творческий раж, был куда милее Георгию. Он напоминал

старого друга. Точнее попросту был им.

– Там другая стратегия... Может быть, ты и прав, но каковы шансы?..

– Шансы малы, но они, безусловно, есть! Не нужно, чтобы это случалось всегда или даже часто. Достаточно одного-единственного раза, но чтобы так произошло именно с тобой!.. Со мной!

Похоже, тот самый собеседник, которого не хватало, внезапно вернулся. Но где же он пропадал? Часто ли этот человек посещает неряшливое и дряблое тело, сидящее напротив? Всё-таки сегодня заговорить об Истине и книге Горенов уже не решался.

– Ты пишешь сейчас? – спросил Георгий, чтобы переменить тему. Впрочем, ответ его интересовал чрезвычайно.

– Да, конечно, – Борис не понял постановку вопроса.

– Вот и всё. Это самое главное... Ты же пишешь сейчас самое главное?

– Да, конечно, – друг ответил ещё растеряннее.

– Конечно... – повторил Горенов за ним. – Пиши, не думай о лишнем. – Советчик внутренне усмехнулся собственным словам. Ладно, можно врать в лицо юноше с запахом изо рта, но этот-то сочинил немало романов и прорву документальных книг. Зачем вновь и вновь произносить глупости, давать невыполнимые советы? Боря не мог этого не почувствовать. Он опустил глаза. Неужели из-за услышанного?

– Гош, ты не мог бы одолжить мне денег? – друг тоже дав-

но соби́рался переменить́ тему.

– Конечно... – произнёс Георгий уже от себя. Он успокоился. Всё сказанное прежде стало не так важно. – Что-то случилось? И сколько тебе нужно?

Борис назвал не слишком крупную сумму, но в кошельке Горенов столько не носил.

– Никаких проблем. Писатель вообще – существо, живущее в долг. Мы же одалживаемся у всех и вся. Даже у немощной старухи можем порой кредитоваться. Берём обстоятельства судьбы, факты, события, идеи... А уж деньги – это совсем ерунда... – попытался он успокоить друга.

– У настоящего писателя главный кредитор – Бог.

Георгий подумал, что кредит – не самый худший вариант. Зачастую автор – вор или побирушка, присваивающий забытое, потерянное или плохо лежащее. А у Бога украсть не получится. Он может только оставить, приготовить что-то для тебя и сделать вид, будто отвернулся. Это не воровство, это дар.

– Не у настоящего, Боря, а у везучего. Для этого нужна очень большая удача в твоём покере... Ты же в своей работе наверняка заметил, как наследники писателей и переводчиков зачастую алчны. Они просто обижены. Им кажется, что их родственник сильно страдал, что ему «недодавали». И только после смерти, наконец... Они будто отыгрываются за не своё прошлое. А ведь эти чуждые ремеслу люди и не догадываются, сколько их предки на самом деле задолжа-

ли... Я только в толк не возьму, если настоящий одалживается у Бога, почему ты просишь у меня? – закончил Горенов недовольно.

– Я, наверное, ненастоящий... – друг опустил глаза и пожал плечами. – Представляешь, у меня вчера сломалась кнопка «я» на клавиатуре. Сколько слов мне теперь не написать...

– Боря, это тоже не проблема, ставь вместо неё, например «@», а потом автоматически заменишь. Пойми, всё то, из-за чего ты переживаешь, в сущности, даже не неприятности.

– Гоша, – Борис поднял глаза, – у меня нет «я». А «собака» вместо «я» – разве это решение? Пустая подмена. Так иные женщины заводят детей после тридцати пяти, когда уже понимают, что сами ничего не смогли: пусть другие, новые люди разбираются, а её задача расплодиться, и вроде всё неплохо. Но ведь через три десятилетия отпрыски этих женщин окажутся точно в таком же положении... Они тоже ничего не смогут. Зачем тогда всё это? К чему? За последний год я столько всего прошёл, ты себе не представляешь. Мне больше не страшна Виржиния Вулф, пусть она меня боится.

Борис здорово опьянел. Странно, Горенову казалось, что сам он выпил значительно больше. Ладно, продолжать нет никакого смысла, пора расходиться. Главное, больше ему не наливать, иначе придётся везти домой, а это никак не входило в планы – лишняя трата времени. Жаль, очень жаль, что разговор пошёл таким странным путём.

Георгий схватил собеседника за шею и резко наклонил к себе. Они едва не столкнулись лбами. Горенов многократно видел подобный жест в кино. Как правило, так поступали старые друзья или отцы по отношению к сыновьям. Ещё его использовали следователи на допросах.

– Боря, посмотри вокруг. Кто эти люди? Что они делают? О чём говорят? Как ты думаешь, кто-нибудь, кроме нас, рассуждал в этом ресторане о Боге? Они ездят на метро, возят с собой кредитные карты, жратву и барахло. А мы возим романы и идеи, понимаешь? Тексты, которые никто, кроме нас, не напишет. А может, и мы не напишем... Хватит ли сил? Но мы стараемся, Боря. Я тебя прошу, не переставай стараться, хорошо.

– Гош, а им это надо?

– Кому?

– Ну, этим людям. Им надо, чтобы мы старались?.. Чтобы мы написали? Им это нужно, ты считаешь? Они же всё равно не читают... А если читают, то всякое говно. А я не могу писать говно, чтобы не утонуть. Физически не могу.

Не принимать сказанного на свой счёт становилось всё труднее. Тем более, в сущности, Борис был прав.

– Ладно, – ответил смурной Горенов. – Денег у меня всё равно с собой нет, приходи ко мне завтра. Стой! Знаешь, давай послезавтра... Вечером.

Георгий решил отложить их следующую встречу, чтобы хорошенько обдумать эту. Кроме того, пусть она состоится

после разговора с Люмой. Быть может, возникнут и другие темы для обсуждения. Хотя как говорить с ним теперь о главном?... Впрочем, больше всё равно не с кем. А если послать его куда подальше? Ну, помрёт Боря от голода, кому будет лучше? Кроме того, Горенов не сомневался, что совсем скоро другу в любом случае станет стыдно за свои слова. Он в этом не признается, но наверняка будет так.

– Послезавтра? – робко спросил собеседник и полез во внутренний карман за потёртой книжечкой с пожелтевшими страницами. Георгий улыбнулся, он вспомнил что тот вечно ходил с такой. Трогательно.

– Странная вещь, Борь. Бывает, покупаешь какую-то безделицу, вроде записной книжки, по случаю, не выбирая, просто внезапно понадобилась. Или наоборот, долго ищешь, но хорошую так и не находишь, остаёшься недовольным, хотя приобретаешь всё равно, поскольку ведь срочно нужна. Думаешь: «Потом обязательно отыщу получше и сразу поменятью». Но вспоминаешь об этом только лет через двадцать. У тебя та же книжка, которая никогда не нравилась. Она лежит на столе и будто говорит, что уже всё... Менять поздно... У тебя адрес-то мой новый есть?

– Что? А, нет... Это ежедневник, не записная книжка.

Горенов присмотрелся. На потрескавшейся от времени обложке было выдвинуто: «Тысяча девятьсот девяносто...» – дальше не разобрать. Кажется, «1996».

– На какой год? – удивился Георгий.

– Так дни-то одинаковые.

Георгий сразу вспомнил 1996-й. Он был високосным. Значит, календарь если и совпадал, то только в первые два месяца. Неужели Боря не заметил? Стоит ли сообщать ему об этом? Как вообще можно обижаться на такого несуразного человека? Как он живёт? Чем руководствуется? Диктуют ли ему?

– Ты, кстати, помнишь, что послезавтра Мишин день рождения? – встрепенулся друг и потряс ежедневником.

– Точно? – трудно было верить книжке, отстающей более чем на двадцать лет.

Собеседник кивком показал, что это само собой разумеется.

– Тогда и Мишу помянем заодно? – сконфуженно уточнил Георгий. Слово «заодно» было, конечно, лишнее.

– Да, выпьем, – ответил Борис столь решительно, будто его на мгновение подменили.

Горенов продиктовал адрес, друзья встали из-за стола и направились к выходу. До двери шли молча, слишком много лишнего было сказано, а главное – обойдено вниманием. В тишине спускались по лестнице и шагали по коридору. На улице им тоже оказалось по пути, но молчание стало слишком гнетущим. Георгий всё же решил попытаться нащупать подход к важной для него теме, чтобы обсудить её послезавтра:

– Боря, тебе снятся сны?

– Конечно, – ответил тот неуверенно. – А как же?

– Что тебе снится?

– Всякое... – тот вздрогнул. – В последнее время я часто умираю или меня убивают во сне. И знаешь, это вовсе не кошмары. На моей смерти, как правило, действие не заканчивается, я умираю в самом начале, сразу...

– А что происходит дальше? – Горенов заинтересовался.

– Ну, нет, Гош... Такие сны нельзя рассказывать. Плохая примета.

– Почему? Не сбудется? Это же не предсказания, а сны...

– Серьёзно, плохая, поверь. Чёрная кошка, разбитое зеркало и баба с пустым ведром – шалости по сравнению с этим. Я пойду, извини. До послезавтра. Пока.

Борис резко развернулся и зашагал в другую сторону. Пройдя метров пятьдесят, он остановился и побежал обратно.

– Слушай, ты купи, пожалуйста, водки какой-нибудь... Не для меня, для Миши... А то я на мели, сам понимаешь. А помянуть очень надо...

Не дождавшись ответа, он кивнул и стремительно исчез в подворотне. Было совершенно очевидно, что ему совсем не туда нужно.

Вот и весь сказ. Что теперь делать с женщиной, вылезающей из колодца? По сути, собеседник закрыл тему ночных грёз раз и навсегда. Откуда вообще могла взяться такая примета? Неужели люди настолько часто обсуждают свои сны,

чтобы подобное поверье возникло? Почему Горенов сам никогда о нём не слышал? Уж не выдумал ли его Борис? А если выдумал, то зачем? Всё обернулось как-то странно, ведь это он собирался рассказывать другу свой сон, а не наоборот...

Кстати говоря, как раз Истина, вылезающая из колодца, была наяву. Она – элемент реальности. Но как о ней говорить, не обсуждая ночное видение? Георгий запутался. Надо навести порядок. Во-первых, нет, он пишет детективы не для того, чтобы не утонуть! Это следовало сразу сказать Борису! Где он? Может, догнать? Он сочиняет свои книги, потому что в них царят закон и справедливость. Там всё понятно, всё строго и прямо, как Гороховая улица. Почему Гороховая? Она Горенову никогда не нравилась, а в данный момент было достаточно паршиво, чтобы вспомнить о ней.

В книге G порядок тоже играл важную роль, но не такую, как в детективах. В ней он присутствовал и рушился на глазах читателей, а потому текст казался ещё правдивее. Мир главного сочинения Георгия был строен, но уменьшался, складывался многократно, словно листок бумаги. Выхватишь тут кусок, там чуть-чуть, и это больше не рукопись, а снежинка, детское украшение на стекле школы. Горенов чувствовал себя уязвлённым, растерянным и обиженным. Он плыл по ночному городу домой. Так скверно в море прежде ему не бывало никогда.

И на следующее утро настроение оставалось ни к чёрту. Хорошо бы позавтракать, а то вчера пили, но почти не ели. Одной ногой Георгий нащупал тапки на полу, выдвинул их и медленно принял положение сидя. Всё это сопровождалось каким-то непривычным скрипом и скрежетом. Кровать была относительно новой, он купил её специально для этой квартиры, потому вполне могло статься, что звуки рождались в организме. Тревожно.

Похоже, шум донесся до кухни, потому дверь открылась, и показалось озорное Ленино лицо.

– Сом, ты проснулся? Каша на столе.

– Лена, мать твою, ты можешь стучаться?! – Горенов ненавидел эту семейную привычку: все, кроме него входили без стука даже в ванную.

– Да, мама звонила раза три.

– Чего хочет?

– Откуда я знаю? Я не буду с ней разговаривать, – голова исчезла в дверном проёме. – Иди есть.

На полке в коридоре Георгий обнаружил свой телефон. Три непринятых вызова, все от Нади. Наверняка что-то случилось, она давно уже не звонила. Прошлый раз Гореновы разговаривали, когда Лена только приехала. А до того, может, месяца четыре назад. Что ей нужно? Три раза... Не по-

хоже на неё. Впрочем, если что-то и случилось, что с того? Какое это имеет к нему отношение? Не нужно перезванивать! Или нужно?.. Георгий сплюнул кровавую зубную пасту в раковину.

– Сом, каша остынет.

Присутствие Лены до сих пор иногда казалось ему чем-то неожиданным. Потому он и сказал: «Мать твою». Вырвалось. Неожданным и волнительным. Горенов чувствовал себя, словно на экзамене. Будто дочь приехала для ревизии: «Папа, а как ты живёшь? Вот ты воспитывал меня, а сам чего добился?» Не убрано у тебя здесь... Женщины бывают? Бывают – плохо. Не бывают – ещё хуже. «Папа, ну разве это жизнь?»

Удивительно, как этот человек, который, будучи крошкой, пробуждал в нём такую невообразимую нежность, стал одним из главных «цензоров» его судьбы. Почище, чем Николай Павлович для Пушкина. По крайней мере, сам Георгий воспринимал ситуацию именно так. Вот, папа, гастрит у тебя бушует, как же ты докатился... Мне всё говорил, ешь суп, больше свежих овощей, хорошо жуй, а сам?.. Что ты, собственно, нажил, кроме гастрита?

В Таганроге Горенов мог питаться чем угодно, желудок работал как часы. Часы тоже работали как часы... В Петербурге пищеварение испортилось сразу. Врачи сказали, от слишком кислой воды. Лена тогда его чуть ли не спасла. Надя не успевала, не могла или не хотела готовить диетическое,

хотя кухарила хорошо. Дочь же с малых лет научилась и полюбила кормить папу. Это было что-то большее, чем банальные женские навыки. Талант? Пожалуй. Дар заботы.

Георгий сел за стол и начал есть овсянку, запивая её какао. Когда дети вырастают, родители, если им повезло, если они многое сделали правильно, оказываются в детстве. Ненадолго, на считанные мгновения, но как это здорово, овсянка с какао.

Лена сидела рядом, уставившись в телефон. Он чувствовал, что жить при ней сейчас нужно как-то по-особенному, набело. Жевать, будто успешный человек. Уминать, словно подлинная личность.

– Очень вкусно, – сказал Горенов, забыв предварительно проглотить кашу.

– Не разговаривай, пожалуйста, с набитым ртом, – серьёзно ответила Лена, не отрываясь от экрана.

Георгий стыдливо затих. Кто бы мог подумать, что с годами это всё обернётся против него.

– Не пишет? – не выдержал отец и спросил с игривой улыбкой.

– Нет, – ответила дочь спокойно. – Ну его, я считаю.

Она отложила телефон и внимательно посмотрела на Горенова. Тот совершенно не ожидал, что его шуточная реплика приведёт к серьёзной реакции. Вообще говоря, ему не очень нравилось это противное ощущение, словно дочь заметно старше него. Тем не менее оно было лучше того, что

внушала ему Надежда, будто любая женщина «взрослее» любого мужчины.

«Все бабы – одна банда», – сказал как-то капитан судна, на котором служил Георгий. Тогда это ещё походило на шутку, нарочито неудачную, настолько беспомощно несмешную, что ей оказалось выгоднее стать правдой. Впоследствии Горенов часто вспоминал эту фразу, принимая её уже скорее не за чужое мнение, а едва ли не за собственное житейское наблюдение.

Цели и задачи женщин, их представления о счастье от века сходны, и на этом основании они априорно согласны друг с другом. Разумеется, есть исключения. Бывает конкуренция, зависть и ненависть – эти умеют ненавидеть, как сильному полу и не снилось! – но в целом они действуют слаженно, коалицией. У мужчин же каждый сам за себя. И каждый по-своему не прав. Чего бы он ни хотел – много денег, спортивную машину, огромный дом, построить бизнес, полететь в космос, сделать изобретение, написать роман, погрузиться на дно Марианской впадины, совершить кругосветное путешествие, всё это, очевидно, вторично по сравнению с великой женской миссией продолжения человеческого рода. Особенно хорошо это понимают те дамы, которые зимой, в ущерб красоте, решаются надевать страшноватые комбинезоны.

Так или иначе, в споре о важности целей мужчины обречены на поражение. Они движимы идеями, и у каждого она

своя. У женщин же идея общая, одна на всех, причём не ими придуманная, а традиция и вера всегда сильнее мысли. Поэтому цена не имеет значения, они неудержимы. Оттого для дам так важны салоны красоты, фитнес, йога и тому подобное. Без этих процедур их невозможно было бы различать. Две вещи – внешность и хобби, временное малозначительное увлечение, – лежат в фундаменте женской индивидуальности. Тогда как мужская зиждется на знаниях, комплексах, сомнениях, заблуждениях, навыках, желаниях... Это довольно сложная микстура. И «сложная» в данном случае вовсе не значит, что она хоть чем-то лучше.

Многие находили взгляды Горенова едва ли не сексистскими, но в его гендерной доктрине не было и нотки пренебрежения. Напротив, он являлся убеждённым женообожателем. В каждой своей пассии он любил ещё и эту согласованность действий, порядок, верность общему замыслу. Наряду с внешней грацией ценил неsgiбаемую стройность мировоззрения. Особое значение имело и то, что подобные пристрастия не требовали от него верности каждой конкретной женщине.

Грядущий визит Бориса обретал дополнительное значение: пусть Лена посмотрит на других писателей и тогда, может, поймёт, каков её отец... Гастрит – не самое страшное!.. Противная, низкая мысль. Будто в сопли вляпался рукой. Тем не менее надо сделать так, чтобы гость не просто забрал деньги в дверях, а прошёл, посидел за столом... Ах да, Ми-

шин день рождения. Вот и повод. Водку покупать ни к чему, дома она имелась в изобилии. Горенов почти никогда не выпивал в одиночестве, а приходили к нему в основном женщины, которые предпочитали другие напитки. Кроме того, стало как-то модно не пить.

Телефонный звонок возник плавно, словно пиратский корабль из тумана. В жизни с джентльменами удачи Георгий никогда не сталкивался, они казались ему таким же мифом, как судороги, но, с другой стороны, у Горенова на руках сейчас было слишком много сокровищ – его книга, его размышления, его проблемы... Писательство – редкое ремесло, в котором проблемы могут оказаться ценным ресурсом и пойти в дело. Неужели Борису это до сих пор невдомёк?

– Сом, ответь ей уже, так ведь и будет трезвонить, – Лена раздражённо положила телефон перед отцом.

Говорить с Надеждой совершенно не хотелось, но дочь сняла трубку.

– Сама ответь.

– Не валяй дурака, она тебе звонит. Вдруг что-то случилось.

«Какие все взрослые!» – подумал он и нехотя приложил аппарат к уху.

– Алё.

– Наконец-то! Боже мой, ты всё-таки приучил её называть тебя рыбным именем? – хихикнула Надя.

– Я не приучал, – Горенов вздохнул, стараясь сохранять

спокойствие, – но, ты знаешь, Мой-компас-земной, мне нравится такое обращение.

Он с трудом переносил иронию, но это ничто в сравнении с тем, как Надежда ненавидела, когда Георгий называл её так. Шлягер Пахмутовой и Добронравова она воспринимала чрезвычайно болезненно. Для неё песня была не про разлуку. Уж чего она, жена моряка, могла не знать о расставании?!.. Дело в том, что там шли через запятую: Надежда – компас, Удача – награда, и только «Песни довольно одной»... Все в данной композиции намекало на измену, на то, что она не единственная, а одна из многих...

Не нравилась ей и сладенькая форма собственного имени «Надюша». Муж с таким вниманием относился к тому, как его называют, что и жена переняла эту своеобразную навязчивую идею. «Лучше бы чему другому научилась», – думал он.

«Надежда» звучало монументально и величественно, даже судьбоносно. С тех пор как они уехали из Таганрога, она не соглашалась довольствоваться меньшим. Важная черта характера: к Гореновой не прилипали никакие прозвища, не подходили и общие ласковые слова. Называть её «зайкой», «котёнком», «милой», даже «любимой» не хотелось. Все эти обращения словно проскальзывали мимо в поисках какой-то другой женщины. Только по имени.

Григорий Горин как-то приписал Сократу афоризм: «Женись непременно. Попадётся хорошая жена – станешь счастливым. Плохая – станешь философом». Многие находили

в этой фразе успокоение и облегчение. Иные специально выбирали плохих супруг, поскольку в литературоцентричной стране соблазн ремесла мыслителя слишком силен. Вот, кстати, фамилия «Горин», в ней полыхает пламя, и нет никакого несчастья. Георгий тоже хотел стать философом. Не в научном, а в литературном смысле. Однако в Таганроге он не сомневался, что женился удачно, а потому потребовалось всей семьёй перебраться в Петербург.

Как счастливы они были тогда, когда она ждала его из рейсов. Горенов задумался: а жаждал ли тот моряк, вчерашний выпускник училища, изменить свою судьбу? О философии ли он грезил, глядя на море с борта корабля? Нет, что-то произошло позже. Может, именно Надежда, именно разлад их отношений подтолкнул его к литературе? Может, он обязан жене ещё и за это? Может, она действительно его компас?

Разрушаться семья начала уже здесь, в Петербурге, когда все основные решения относительно их будущего давно были приняты. Кроме одного: ещё сомневались, как назвать дочь. Долго выбирали имя. Родственники по телефону и в письмах не могли понять и очень волновались, что малышка живёт безымянной... В чём проблема вообще?! В конце концов решили назвать Еленой. Надя настаивала, поскольку так звали её бабушку. Георгий – из-за Троянской войны. Уже тогда они не сразу догадались, что, в сущности, согласны. Быть может, в последний раз.

Горенов не всегда понимал, отчего жена сердилась. Вряд

ли из-за самого переезда, таким изменениям в жизни она, безусловно, была рада. А то, что Ленка – «первая в нашем роду петербурженка», стало излюбленным шутивым хвастовством отца и матери. Пусть родилась она не здесь, но имя-то получила на берегах Невы. Не коренная петербурженка, а «молочная»...

Казалось, на новом месте Надежда потеряла связь со словарём. Она то сообщала Горенову, будто не любит его, то утверждала, будто любит, а иногда – что любит, но жить с ним не может. Нужно было выбирать: либо верить всем её словам, в том числе и отрицанию чувств, либо не верить ничему из сказанного. Оба варианта хуже.

Георгий, впрочем, решил иначе, убедив себя, будто у жены помутнение рассудка. Именно потому она говорит то одно, то другое. Вообще, он не понимал, как можно сказать: «Я тебя не люблю» – и спокойно жить дальше, словно ничего не случилось. Такие слова не забываются.

Тогда, кстати, ему открылось удивительное свойство супруги: обычно женщина вдохновляет мужчину своей любовью, нежностью, верой в него, заботой... Надежде всё это не удавалось, но она мастерски вдохновляла причиняемой ею болью.

В то время он писал один из первых своих детективов о серийном убийце. Приходилось много читать про самых известных маньяков мира. Горенов всегда был скрупулёзен и педантичен в работе. Надя видела распечатки с фотографи-

ями расчленённых тел на столе мужа. Георгию казалось, что после этого она стала смотреть на него иначе. Её взгляд был полон страха, будто супруга не сомневалась: рано или поздно он обязательно убьёт их с дочерью. Очень неприятно считать душой женщину, с которой у тебя ребёнок. И ведь даже не скажешь ничего, обидится.

Она сама объясняла себе расстройство их отношений иначе – из Надежды Клунной он с годами сотворил Надежду Горенову. Этим всё сказано. Никуда не денешься, фамилии тоже передаются половым путём. Многие перемены в жизни ей нравились. То, что она выходила за моряка, а стала женой писателя, представлялось скорее позитивной метаморфозой, но Клунная была лучше... Сколько красоты, изящества изгиба, ночной загадочности и ясного белого света оказалось безвозвратно утраченным вместе в её девичьей фамилией. А теперь она – Горенова, и это навсегда. Развод ничего не исправит, новое замужество не поможет – возраст не тот. Если носила чужое родовое имя больше двадцати лет, то меняй или не меняй, на коже уже проступила печать горя. Именно горя, никакого пламени Надежда здесь не видела.

– Что случилось? – спросил, наконец, Георгий.

– Я так понимаю, этот вопрос не от тебя, – она говорила спокойно, но с тем привычным уже напором, который появился несколько лет назад. – Передай Лене, что ничего не случилось. Всё в порядке. Я звоню узнать, как вы? Какие новости? Новая книга вышла, я слышала. Поздравляю, рада за

тебя. Предупреждали, что ночью может быть наводнение, не ходите гулять. За неделю вы могли мне хотя бы смс-ку отправить? Я Ленке звонила раз двадцать...

«Ей мать двадцать раз звонила, а она меня попрекает, что я трижды трубку не взял?!» – Горенов сердито посмотрел на дочь, та листала вчерашнюю книгу по истории живописи.

– У нас всё в порядке, Надюша, не волнуйся. Мы завтракаем, – сказал он, изображая довольное умиротворение.

Вышло убедительно, оттого напористый кураж супруги сошёл на нет. Она продолжила не сразу и неожиданно робко:

– ...Я еду к вам... Что-то нужно купить?

– Нет, Надя, ты к нам не едешь, – продолжил Горенов, ощущая возникающий перевес в свою пользу. – У меня сегодня много работы...

Жена, безусловно, опешила, нужно было выждать момент и именно в тот миг, когда она уже соберётся орать, закончить фразу... Рано... Ещё мгновение... Пора!

– ...но ты можешь приехать завтра. – Лена, возражая, замахала руками, но отец продолжал: – Днём меня не будет, давай вечером. Кстати, ещё Боря должен зайти, вы давно не виделись.

Георгий представил себе лицо Нади. Совсем не страшно. А уж по сравнению с физиономией Истины, вылезающей из колодца... Дочь как раз открыла ту самую страницу. Фигура у супруги была значительно лучше, чем у женщины на картине, этого не отнять. Разумеется, Горенов не хуже, чем

Жан-Леон Жером, понимал, что чистая, неприкрытая Истина должна выглядеть непривлекательно и, пожалуй, в чём-то противоестественно. Художник показал это чрезвычайно удачно и тонко. Поза у дамы вроде обычная, но с какой-то странностью. То ли нефизиологический выворот правой ноги, то ли слишком длинные руки. Так и не скажешь... Но посмотришь, подумаешь, и вскоре возникает вопрос: на чём же она стоит левой конечностью?.. Огромный, необъятный зад, широченный таз, созданный, казалось бы, для того, чтобы рожать, но совсем маленькая грудь. Не женщина, а воплощённый парадокс. Может ли Истина дать потомство? А если даст, то выкормит ли? Удастся ли её плоду выжить? Отталкивающая нагота, хочется отвернуться и перелистнуть страницу не из стыдливости, а потому что противно. Словно боковым зрением заметил собственную бабушку, вылезающую из ванны.

Помимо всего прочего, разгневанное лицо казалось Горнову знакомым. Конечно же! В нём угадывались черты горгоны Медузы с решётки Летнего сада. Всё это Георгий видел и понимал, а Ленке нужно было бы долго растолковывать. Какая тогда, к чёрту, Академия художеств?!

Хоть дочь и не задавала вопросов, сегодня объяснять некогда. Хорошо, что визит Нади перенёсся на завтра. Вдобавок у этого имелось и стратегическое значение: не нужно, чтобы она продолжала думать, будто всё по-старому. Больше она не может делать что хочет! Кроме того, действительно

было важно собраться с мыслями и перечитать текст перед завтрашней встречей с Люмой.

– Хорошо, – тихо ответила Надя. – А как там Вадим?

В интонации, с которой прозвучал вопрос, Горенов без-
ошибочно ощутил подвох, но он не успел отреагировать и
спросил по инерции:

– Кто?

– Ну, Вадим, – чувство, будто инициатива уходит из рук,
усиливалось. Начиналась ответная атака, а Георгий всё ещё
праздновал свою маленькую победу.

– Не знаю... Кто это?

Теперь пришлось слушать дальше.

– Это? – жена зазвучала напористо и грозно. – Это маль-
чик твоей дочери. Возможно, отец твоих будущих внуков,
причина слёз и аборта, не дай бог. Ты, может, не заметил, у
тебя девочка живёт неделю. Думаешь, она просто так ушла
из дома? Нет, дело в том...

Горенов не был намерен давать ей высказаться до конца:

– Во-первых, здесь у неё такой же дом, как у тебя...

Надежда перегруппировалась:

– Только почему-то в твоём «своём доме» она за эти годы
меньше месяца прожила.

Это, конечно, было не так, но не стоило опускаться до того
же уровня.

– Захочет, может переехать!

– А, то есть ты всё ещё один живёшь? А готовит тебе кто?

Как твой гастрит?

Георгий закипал:

– Мой гастрит передаёт тебе большой привет и сердечную благодарность за то, что ты о нём не забываешь. Я всё-таки закончу... А во-вторых, она ушла, поскольку не может более жить с тобой... Или по другой причине. У меня, как ты знаешь, нет привычки лезть людям в душу. Ни посторонним, ни членам моей семьи. Захотела и приехала. Пусть живёт сколько угодно. Всё, Надя, до встречи, мы очень, – он филигранно акцентировал это слово, наполнив его «полицейским уважением», – ждём тебя завтра.

Мастерство «бросать трубку» руками собеседника пришло к Горенову с опытом семейной жизни. Разговор вроде даже не прерван, но другой стороне уже не вставить ни слова. Надя что-то буркнула в ответ и попрощалась.

Вадим... Ну, надо же. Георгий вспомнил, как маленькая Лена приходила к нему, показывала пластмассовую букву «У» на магните и спрашивала: «Папа, а она добрая?» Он отвечал: «Да» – хотя вовсе так не считал. «Тогда поиграй с ней», – повелевала крошка. Может, именно с тех пор у него и возникло желание играть с буквами? Может, это не Надя, а Лена подтолкнула его сюда?

Наверняка! Глубже всего ему в память запала история о том, как в три года дочь сообщила: «Писать я уже умею... Я хорошо пишу... Только буквы у меня получаются непонятные». Всё это прямо про него.

А ещё однажды Лена спросила, кто такой Бог. Какой ты отец, если не можешь объяснить своему ребёнку эти вещи? Горенов не запомнил, что тогда ответил, но дочь кивнула и произнесла: «А, понятно... Это тот, кто вырыл Чёрное море». Почему именно Чёрное? Она не могла помнить Азовского, а других ещё не видела, но откуда-то знала, кто такой Бог лучше, чем её отец.

И вот теперь у неё появился Вадим... Настораживал не сам факт его существования – Лениных мальчиков Георгий видел и прежде, помнил муки, связанные с первой любовью... Серьёзные волнения вызывало то, что Надя назвала его не «Вадиком». Значит, тут действительно что-то большое, не детское. Хотя вряд ли речь идёт уже о внуках, это, конечно, для красного словца...

На кухне он уже давно остался один.

– Лена, пойдی сюда.

Ответа не последовала, но Горенов не повторял. У них так не было принято. Дочь придёт.

– Слушай, а кто такой Вадик?

– О боже... – ответила она со злой усталостью в голосе.

– Ты сама захотела, чтобы я поговорил с матерью, – произнёс он самодовольно.

– Но не обо мне же.

– А о ком ещё, ты думаешь, она собиралась разговаривать? Про меня она и не спрашивала, – Георгий сразу признался себе, что несправедлив.

– Папа, – начала Лена серьёзно, – мне так нравится, что в отличие от неё, ты считаешь меня взрослым человеком. Пусть всё так и останется, ладно?

«А может, ей на психолога пойти? Хорошая профессия для девочки», – подумал Горенов.

– Хоть кто он?

– Тренер по йоге.

«Грехи мои тяжкие...»

– Сильно старше тебя?

– Нет.

– Насколько?

– Папа... – ответила она с раздражением, но сразу успокоилась. – Не сильно.

– Сильно младше меня?

– Конечно, – Лена улыбнулась.

– Мужчина-йога? – всё-таки не удержался Георгий и, поморщившись, покачал головой.

– Не йог, а тренер по йоге. Два года назад он весил больше ста килограммов, но смог похудеть и привести себя в форму. Он полностью владеет телом.

«Чьим?» Нет, про дочь так шутить нельзя.

– Ты нас познакомишь?

– Нет.

– Почему?

– Потому что мы с ним больше не вместе, Сом. Но ты можешь сходить к нему на тренировку и отстань от меня, по-

жалуйста.

А действительно, что он, собственно, прицепился? В Гorenове будто начал действовать яд Надежды, её упрёка. Главное, парень примерно ровесник, а значит, Лена умнее, она всё сделает правильно. Тем более, похоже, уже и делать ничего не надо. Молодец! Йог, конечно, не пара.

Однако после всех этих разговоров сосредоточиться на книге G уже не получалось. До вечера Георгий пытался что-то редактировать, но заменил лишь несколько слов и добавил десяток запятых. Все точки остались на своих местах, их количество даже немного приросло, поскольку отдельные восклицательные знаки лишились летящих вверх капель. Это были слёзы наоборот, а лишние эмоции не нужны.

Завтра должно стать ясно, положит ли заветная, торжественно продиктованная ему «чёрная луна» начало чему-то важному или... Думать про «или» было слишком тяжело. Он волновался до самого утра. Заснул с большим трудом, проснулся позже и, уходя, то ли забыл, то ли не успел побриться.

Горенов опаздывал, но всё равно отправился в путь пешком. Когда его спрашивали, почему он так много ходит, Георгий отшучивался. Отвечал либо: «Потому что нельзя плыть», либо, что экономит на проезде. Зачем объяснять? Дураки верили. Но, вообще, кто знает, может, именно из-за того, что он почти никогда не пользовался наземным общественным транспортом, ему и не доставались счастливые билеты?

По дороге в издательство Горенов думал, отчего вся его теперешняя жизнь проходит в разговорах и размышлениях, а не в действиях и событиях. Раньше в ней случалось то, что потом было волнительно вспоминать. Как правило, все такие вещи оказывались связанными с морем. Штормы, передраги, авралы, поломки на судне... Не так уж опасно, но почему-то всё равно они всплывали в памяти в статусе каких-никаких, но приключений... Георгий не мог понять, тоскует ли он по своей прошлой жизни? В любом случае модус бытия изменился радикальнее, чем он того ожидал.

Теперь Горенов привык смотреть, слушать, замечать, не обнаруживая себя. Он наблюдал за событиями, переворачивающими жизни, – вроде той аварии с Эдипом – оставаясь в стороне, на безопасном расстоянии. Эта дистанция измерялась не только в метрах, но и в минутах, часах, годах... Чаше

он просто читал о происшествиях... А потом писал... О других, вымышленных, но чем-то неразрывно связанных с реальными. Он был свидетелем, чья фамилия, минуя протоколы, карабкалась сразу на вершину, на обложки книг и афиши литературных встреч... Такая жизнь ему нравилась, но внутри нарастал неутолённый голод до поступков, потребность совершить что-то головокружительное. Однако внешние обстоятельства его теперешнего существования – полный штиль. Если он и плыл, то им повелевало какое-то очень слабое и размеренное течение.

Георгий шёл через мост над Большой Невой. Вчера в новостях действительно предупреждали о наводнении, Надя была права. Сегодня же газеты и телепрограммы в один голос кричали, что, дескать, дамба в очередной раз всех спасла. Навстречу брели грустные люди, обиженно и тоскливо оглядывающиеся по сторонам. Что у них случилось? Наверное, «Медный всадник» сорвался.

В это время Люма сидела у себя в кабинете и думала о Екатерине Алексеевне Фурцевой. Вчера на совещании, оценивая высокие профессиональные достижения Орловой, директор издательства сравнил её с легендарным секретарём ЦК, ставшей впоследствии министром культуры СССР, чем нанёс удар такой сокрушительной силы, что она не могла открыть рот до конца встречи. Мечты о сходстве с советскими актрисами – тут уж не до Гурченко, подошёл бы кто угодно – посыпались вниз, словно выбитые зубы. Людмиле Мака-

ровне были свойственны подобные мужские ассоциации, но конкретно эту простенькую метафору она вычитала в одном из недавно изданных ею детективов.

Особенно расстраивало, что сравнение с Фурцевой представлялось, в общем, небезосновательным, не новым, а значит, как ни жаль, напрашивающимся. Когда Орлова только делала свои первые успешные шаги, будущий супруг – кажется, тогда он был ещё майором – обнял её и сказал: «Ты моя Фурцева!» Удивительнее всего, что в те времена ей это показалось скорее приятным. Сейчас же хотелось быть, словно раненой кунице – волки Люме никогда не нравились, а у этих мех такой нежный – хотелось кричать: «Я же моложе!» Но делать замечание начальству недопустимо для таких людей, как она... и Екатерина Алексеевна. Кроме того, это прозвучало бы глупо, как можно быть моложе мёртвого человека? В жизни министра, чего скрывать, случались моменты, когда и ей было меньше пятидесяти. Да и вообще она считалась дамой небезынтересной.

Вчерашний инцидент существенно повышал ставки. Слишком многое для Люмы зависело теперь от встречи с Гореновым тет-а-тет. Грубо говоря, она хотела понять, может ли ещё называться женщиной или уже только главным редактором. Краеугольный вопрос: быть или не быть? Звучит пошло. Если бы кто-то принёс ей рукопись, в которой сомнения персонажа были бы выражены таким образом, она бы собственноручно подчеркнула и дала автору понять, что

он далеко не Шекспир. Но это же не литература, а жизнь, и Люма сама на её страницах. Неужели она не заслужила?!

Начитанный человек никогда не одинок... Ну, или почти никогда. И если ты вдруг ощутила себя «вместе» с Гамлетом, то, может, всё не так плохо? Может, судьба не летит под откос, как могло бы показаться тебе самой, а идёт своим мудрым, проторённым классиком чередом? И не так важно, чем кончилась пьеса, потому что, ещё раз повторяю: это не литература!

Безусловно, Орлова была женщиной культурной, но всё-таки не согласилась бы мерить свою жизнь произведениями Метерлинка или Гамсуна. Это могло бы оказаться куда точнее, но ох уж эта Северная Европа... Как-то у них всё нервно, рискованно, на грани патологии... Шекспир надёжнее. Надёжнее Шекспира могли быть только древние греки, но амбиции Люмы не простирались так далеко.

Всякий раз подобные размышления приводили к тому, что, словно грязная, коварная мышь в хранилище элитного сыра, в её сознание проникал вопрос: а сама она стала бы издавать подобные сочинения? Те, на которые можно опереться? Которые оказывают поддержку, являвшуюся, в её понимании, одной из задач словесности? Приходилось признать, что скорее нет. И всё потому, что к своим изданиям высокий титул «литература» отказывалась применять даже она сама. У этих книг есть целевая аудитория.

Людмила Макаровна не понимала собственных читате-

лей, но, по её глубокому убеждению, кое-что знала о них. Эти люди не станут искать помощи в книгах. Почему? Ну, может быть, потому, что они не испытывают одиночества, обрастая, как затонувшие корабли водорослями, толстым слоем одноклассников, однокурсников, соседей по всем домам, где доводилось квартироваться, отпускных знакомых, случайных встречных... Орлова считала странным видеть потенциального товарища в каждом человеке. По её мнению, это – признак неразборчивости, если не глупости. Развитая личность, безусловно, предпочтёт ощущать себя забытой песчинкой в холодном космосе, но такие люди не станут покупать «эти книги». Итак, её читатели не будут искать в романах поддержки, однако им приходится стоять в очередях с постылыми детьми или ездить в электричках на надоевшую дачу. Ладно, может, не «постылыми» и не на «надоевшую», но думать так было удобнее и проще. Невысокое мнение об аудитории позволяло видеть в своей работе что-то героическое, считать, будто она трудится не благодаря, а вопреки. Вдобавок можно не печься о качестве изданий. Нет, безусловно, Люма не была халтурщицей, но всё-таки, работая для такого контингента, нечего особенно переживать, а спокойствие – залог здоровья и красоты. Да и кто бы мог в наши дни написать книги-опоры? Шекспиров-то нет.

На презентациях и встречах с читателями Орлова видела совсем других людей. Это могли быть трогательные девочки с глазами раненных совят, будто живущие ради тех эмо-

ций, которыми набухали влажные тексты её любовных серий. Несмотря на возраст, они уже достаточно разочаровались и были убеждены, что в действительности испытать подобное им не доведётся. Или, скажем, старик с удивительно мудрым лицом, запоями читавший детективы. Это увлечение началось вскоре после смерти жены. Книги буквально спасали его от горя и тоски. Когда Люма встречалась с ними, она загадочным образом ещё больше убеждалась в своей правоте, повторяя предельно бессмысленную и безнравственную максиму: «Исключения подтверждают правило». Орлова совершенно не задумывалась о том, как так может быть.

Но сейчас сердце стучало, словно у школьницы перед свиданием или перед экзаменом. В её возрасте разница казалась пренебрежимой. Женщина или редактор? Профессионал или старуха?.. Трудно и обидно пытаться быть не тем, кто ты есть. Ещё более засвидетельствовать собственное роковое заблуждение. Кто же она?

Прошное Орловой таило один эпизод. В старшей школе и университете Людочка любила хвалиться, будто здорово играет на пианино. Это была мечта её отца, которую ей так и не удалось осуществить. Он настаивал, чтобы дочь с детства училась музыке, но то одно, то другое, то усидчивости не хватало, а потом папа исчез. Мама печально повторяла, что он ушёл в море. Юная Орлова тогда не задумывалась, зачем именно врач-гинеколог отправился туда. Важно другое: да-

же когда через много лет ей стало известно, что у отца есть семья и две дочери в Израиле, она продолжала считать его морским врачом. Это нехитрый трюк, которому её научили хорошие женские романы.

Но вернёмся к музыке. Итак, Людочка настойчиво убеждала всех, будто умеет прекрасно играть на фортепиано... и скрипке. Чего бы нет? Таким образом она становилась воплощенной папиной мечтой. При этом демонстрировать своё мастерство товарищам, а также участвовать в самодеятельности девушка под разными предлогами отказывалась наотрез. Собственно, почти никто не верил. Все понимали, что она врёт. Смущало, кстати, и то, что у «виртуоза» не было дома никаких музыкальных инструментов. Ложь, конечно, не бог весть какая значительная, но и она, если исходит от близкого человека, всё равно неприятна. Тогда друзья решили подарить ей пианино.

Это было вполне под силу молодым людям, поскольку прекрасные инструменты по объявлениям традиционно отдавались даром. Один из товарищей Орловой занимался в училище при консерватории. Он помог выбрать лучший «Красный октябрь», хотя сам, честно говоря, настаивал на фортепиано «Estonia». Тем не менее коллегиально было решено, что осенью лучше подойдёт «октябрь». В сущности, музыкальные качества подарка не имели никакого значения. Однако правильнее было преподнести хороший инструмент, чтобы Людочке потом было легче его сбыть. Играть-то она

всё равно не умеет. Это забота настоящих друзей.

В тот день юная Орлова ждала чего-то искреннего, праздничного. Что мальчики будут романтичными, нежными и красивыми, а они с размаха ткнули её лицом в собственную ложь. Зачем? Она ведь прекрасно знала, что врёт.

Если бы принесли скрипку, масштаб эффекта был бы, разумеется, не тот. Как Людочка потом рыдала... Позже, не при гостях. Кстати, никого из дарителей девушка не прогнала, нет. Все были приглашены войти, хотя инструмент остался стоять на лестничной клетке. Так за один вечер можно перековать характер. Друзей у неё больше не было.

История имела довольно мрачное продолжение. На празднике мальчики сильно напились, разошлись поздно, и один из них не вернулся домой. Тело нашли утром в километре от дома Орловой. Автобусы уже не ходили, его «настоящие друзья» уехали на такси – всем им было в другую сторону, а этот побрёл к себе. Вероятно, кто-то счёл шатающегося юношу лёгкой добычей и решил ограбить. Много ли можно было найти у него в карманах? Никто никогда не узнал, что именно подумала Людочка по этому поводу. Она хорошо умела хранить секреты.

С тех самых пор Люма решила больше ничего не выдумывать. Ни про себя, ни вообще. Словно отключила воображение. Может, потому Орлова и стала потом издавать книги, сочинять которые, в сущности, не было нужды? Так женщина или только редактор? Выдумывать нельзя!

Два дня она занималась лишь собой и ни слова, ни мысли, ни одного разговора о работе. Придя сегодня в издательство, Людмила Макаровна сообщила секретарю, что её нет ни для кого. Через несколько минут сообразила, выглянула из кабинета и добавила: «Когда Горенов придёт, его приглашите». Через четверть часа ощущение несусветной пошлости всей ситуации одолело Орлову окончательно, и она отпустила секретаря домой, повесив на двери приёмной записку, что сегодня встречи только по предварительной договорённости. Догадается.

Записку он так и не увидел. Когда взволнованный предстоящим разговором Георгий только поднимался по лестнице, Люма почувствовала его приближение и открыла дверь. Женщина! Конечно, женщина! Сердце не подведёт, когда всё так важно, словно в последний раз.

– Гошечка, проходи! – крикнула она, лишь только тот возник на горизонте, прочерченном офисным плинтусом.

Из коридора сразу послышался шелест сорочьих смешков. «Почему они ещё на работе?!... Но нельзя же отпустить всё издательство».

– Как ты добрался?

Горенов удивился, Орлова никогда прежде не интересовалась транспортными вопросами, но сам он тоже робел сразу переходить к делу.

– Спасибо, успешно... Прекрасно выглядишь сегодня, Люда. Я хотел поговорить...

– Гошечка, это я поняла, ты не волнуйся так, – сказала она, глотая отдельные звуки из-за неровного дыхания.

Георгий решил начать с простейшего из своих двух вопросов.

– Кстати, помнишь, позавчера на презентации кто-то книжку забыл?.. Как там? Она её забрала?

– Кто? – спросила Орлова удивлённо.

– Читательница...

– Какая читательница?.. Её вернули на полку... Ты об этом пришёл поговорить?

– Нет, конечно. А в ней ничего не было?

Люма растерялась окончательно.

– А что в ней могло быть?

– Не знаю, Люда. Я её не подписывал разве?

– Думаю, в магазине проверили... Почему это тебя так интересует?

Значит, кто-то теперь мог найти Ольгин телефон и позвонить ей... Какой-нибудь молодой нахал уведёт девушку у Уильяма, у них начнётся страстный роман... Да, неприятная история. Георгий яростно захотел, чтобы это оказалась не её книга... А чья тогда? Какая разница... Свою озабоченность Горенов даже не пытался скрыть.

– Гоша, в чём дело, что случилось? – Люма подошла к нему.

– Прости, я не знаю, как начать этот разговор...

Вот это уже лучше. «Какой он всё-таки скромный», – уми-

лилась Орлова.

– И не торопись... – сказала она с воодушевлением. – Может, пойдём отсюда? По дороге ты соберёшься с мыслями и всё мне расскажешь.

«Поддавайтесь соблазну, ведь он может и не повториться», – посоветовала Люме с утра многообещающая картинка в Фейсбуке. На всякий случай она сразу купила два билета в театр и два в кино. Кто знает, как сложится вечер? Вообще, конечно, это должен делать мужчина, но для первого раза сойдёт и так... Правда, Орлова бы предпочла, чтобы билеты пропали, а они вдвоём отправились к нему домой. Если же всё-таки театр, то спектакль начинался совсем скоро, потому «не торопись» она сказала напрасно.

Люма подошла к Горенову ещё ближе, почти вплотную, аккуратно присев на край своего рабочего стола. Впервые. Сама удивилась. Она никогда прежде так не делала. Неудобно, жёстко, но этому учили романы. Теперь он мог лучше почувствовать аромат её духов и коснуться где угодно. Дотронуться до руки, до бедра, взять за талию, ниже талии... Горенов, выбирай, не робей! Мог даже повалить на стол. Специально для этого Орлова днём разобрала залежи книг и бумаг, скопившиеся со дня основания издательства. Не слишком ли она готовилась, спрашивала Людмила Макаровна сама себя? Нет, теперь уже ничто не слишком.

Конечно, если бы он сейчас полез на неё, его следовало бы резко оттолкнуть. Быть может, стоило повысить голос, воз-

мущённо прикрикнуть, но не сильно. Это – самый короткий путь к успеху. Вопросы «женщина или редактор» более бы не существовало, а чуть позже они вместе отправились бы к нему.

Любитель примёт, символов и знаков, Горенов, разумеется, всё прекрасно понимал. Поведение Орловой будто подталкивало его к началу разговора. Потому что сколько можно! И ему казалось, будто он находится в эпицентре пошлейшего любовного романа о том, как начальница хочет завалить подчинённого... Или садовника. А ведь людям нужны совсем другие тексты! И потому он написал книгу G.

Георгий резко встал и отошёл к двери.

– Люда, мы уже об этом говорили... – начал он, не поворачиваясь к ней лицом.

«Разве?» – Орлова удивилась и смутилась в своих мыслях.

– ...это всё одно и то же, понимаешь... – Горенов, наконец, повернулся. – Зачем мы делаем это?

– Господи, хороший мой... – она сделала шаг к нему. «Что ж ты не побрился-то сегодня».

– Люда, пожалуйста, не надо ко мне так близко подходить! – вспылil он и снова отошёл. – Я не могу понять, для чего... Я часто об этом думаю, но... Эти книги, они же все одинаковые! Это игра по известным законам, в которой у каждого слишком много прав на ошибку. Потому никто, вообще никто не отвечает за свои слова! Обложки разные, а внутри всё одно и то же.

Будто нарочно на глаза ему попался роман Доминика Петухова. Автор многочисленных бестселлеров, это был один из флагманов и самых плодovitых писателей «гнезда Орловой». В своих интервью он частенько рассуждал о порядочности и этике, но Георгий знал его с другой стороны. Когда много лет назад Горенов собирался менять их с Надей таганрогское жильё на петербургскую квартиру, Доминик как раз продавал свою. Они встретились, и тот начал расхваливать собственные хоромы, наполняя фантазию приезжего автора рассказами о том, что сюда к его предкам заходили Зоценко, Чуковский, Булгаков «и все остальные»... Возможно, это даже было правдой. Такие истории подействовали на неопита, словно афродизиаки, и хотя квартира имела крайне неудачную, непосредственно граничащую с идиотизмом планировку, у неё было такое прошлое, что Горенов всерьёз подумывал её купить. Он спросил Петухова о цене, тот ответил, приговаривая, что, дескать свой любимый дом хотел бы, разумеется, продать тому, «кто понимает», коллеге и соратнику, духовному брату. Воодушевлённый Георгий рассказал обо всём жене, и та открыла «Бюллетень недвижимости». Выяснилось, что квартира для того «кто понимает» стоила на двести тысяч дороже, чем для совершенно посторонних людей. Видимо, это была скидка читателям, которые, безусловно, превыше духовного братства.

Горенов не мог взять в толк, на что, в сущности, Доминик рассчитывал, завышая цену? Если бы дело дошло до сделки,

покупатель, очевидно, наверняка узнал бы об этом. А если Петухов не собирался продавать ему своё жильё, то к чему весь разговор? Чуковским похвастаться? Дурак и сволочь! Сволочь не потому, что обманул, а из-за того, что публично и настойчиво претендовал на роль моралиста! А ведь его книги Люма неизменно держала в своём кабинете на самом видном месте.

Орлова чувствовала, будто стоит нагая, готовая на всё, но... То ли в неё летят помои, то ли холодный ветер пронзает тело, то ли на неё никто не смотрит... Известные клише, кочующие из романа в роман, наполнили сознание Людмилы Макаровны, однако тут она не могла их вымарать, запретить, заставить переписать. Кроме того, они совсем не помогали понять собственные ощущения. Но стало совершенно ясно: редактор... Только редактор, не более...

– Что ты хочешь этим сказать? – ответила она холодно, пытаясь совладать с собой и вернуть беседу в деловое русло, раз уж Горенову так угодно.

– Люда, я написал книгу... Не ту, которую обещал, прости, виноват... Другую книгу.

– Гоша, – Орлова почувствовала, что может не выдержать, а слёзы нельзя показывать никому, – уйди, пожалуйста...

Она ответила очень тихо и медленно начала обходить стол, чтобы занять своё кресло. Георгию стало неловко. Ранишь её он совсем не хотел.

– Не обижайся, прошу тебя. Но... Пойми, мне вот это

всё, – Георгий махнул рукой в сторону шкафа, хранившего образцы продукции издательства, – поперёк горла. У меня дочь живёт, и гастрит обострился... – верный дуэт, чтобы оттолкнуть женщину. – Давай поговорим, прошу тебя... Я написал совсем не то, что ты от меня ждёшь, но... это очень важная для меня книга. Посмотри, пожалуйста, я бы хотел узнать твоё мнение. Может быть, ты согласишься её напечатать?

– Гоша, выйди немедленно.

Она говорила спокойно и холодно, как тогда, на своём дне рождения. Наглец! И он смеет просить о понимании?! Что это? Глупость? Эгоизм? Чёрствость? Хамство? Лучше всего, если глупость...

– Хорошо. Я тебе оставлю тут рукопись. Позвони, пожалуйста, как прочитаешь, – Георгий опустил жёлтую папку на сукно. Этот прямоугольник крайне нелепо смотрелся на зелёном фоне, как раз там, где в фантазиях Орловой паутиной сплетались её волосы.

Внутри у Горенова что-то ёкнуло. Быть может, он вошёл в этот кабинет в последний раз. А если теперь их рабочие отношения прервутся навсегда? Готов ли он к такому?

– А детектив, о котором мы договаривались, я уже пишу, – решил Георгий соврать на всякий случай.

– Горенов, уйди, наконец... – выдавила из себя Люма, закрыв руками лицо.

Домой он отправился ещё более длинным маршрутом, собираясь обстоятельно обдумать произошедшее. Сразу возникло ощущение, что, хоть он и возвращался с пустыми руками, сегодняшние события – тяжёлая ноша. Вновь ничего не случилось так, как Горенов задумывал и представлял себе. Флирт с Орловой до поры приносил чувство приятной уверенности в завтрашнем дне, но прежде совершенно не обременял. И вдруг всё внезапно вышло из-под контроля. Что будет дальше?

С другой стороны, в любом случае сочинять постылые детективы он больше не собирался ни при каких обстоятельствах. Может, как говорят те люди, которые не привыкли управлять своей жизнью: всё к лучшему? Правда, зачем тогда было врать напоследок? Вылезаящей из колодца Истине это бы не понравилось. Помнится, у Платонова в «Котловане»: «...Вощеву дали расчет... В увольнительном документе ему написали, что он устраняется с производства вследствие роста слабосильности в нём и задумчивости среди общего темпа труда». В сущности, всё правда. В Георгии набирала крепость эта невозможность далее работать в том же русле. Ему нравился Вощев. Но тот вряд ли понял бы гореновские переживания.

А может, стоило её трахнуть? Подавляющее большинство

мужчин на его месте поступило бы именно так. Да и сам он ещё несколько дней назад вряд ли стал бы сомневаться. Не в его правилах отказываться от женщины, которая готова. Георгий обязательно взял бы её прямо на столе... если бы не было законченной книги G. Теперь же выходило, будто он переспал бы с ней для того, чтобы его произведение увидело свет. Так наверняка решила бы Люма. Так считал бы и он. Так было бы на самом деле. Мрачной кляксой это обстоятельство расплзлось бы по его тексту. Недопустимо!

Прежде подобные вещи никогда его не беспокоили. Случалось всякое... Однако после того самого знака препинания казалось – нельзя. Похоже, литература и правда может влиять на людей. Хотя воздействие книги G пока коснулось только её автора. Словно кто-то поставил точку в конце прежнего Горенова, и теперь она темнела на его остывающем теле, как чёрное от спекшейся крови пулевое отверстие. Но в то же время родился новый он, над которым кто-то – Кто-то! – водрузил её в качестве сияющего светила. Что это был за свет? Она горела как нимб, как солнце или как глаз Люцифера? Вопрос стоял интересно, но для ответа на него пока не хватало сведений. Впрочем, произведение способствовало воздержанности Георгия, так что последний вариант, скорее всего, стоило отбросить.

Тем не менее ситуация представлялась довольно тревожной. Орлова и её издательство давали стабильную работу. Да и как же серия, будь она неладна? Кто допишет? Петухов?

Как бы там ни было, писатель на вольных хлебах – утлая лодчонка посреди океана. Отдельно огорчало, что Ольгины следы растворились в тумане. Где теперь её искать? И что делать с текстом книги G? Люма ведь небось даже читать не станет.

Вдали оттенками голубого переливалась вывеска «Рыба». Собаки бегут на запах, мотыльки летят на свет, Горенов пошёл на слово. В ноздри резко ударил жуткий аромат. Может ли так пахнуть то, что когда-то жило в море? Георгий с тоской осмотрел обильно заваленный прилавок. Ему казалось, там лежали создания, ничуть не менее несчастные, чем он. А главное, они были так же немые, так же безъязыкие и беспомощны перед чужой волей. Да и безработные к тому же.

Что Горенов мог сделать для них, чем помочь, как выручить своих? Понятно, всех купить не удастся, потому он выбрал самую красивую рыбу, оплатил и забрал с собой. Шагая с вонючим свёртком под мышкой, Георгий раздумывал, что делать с ней: выбросить – слово «отпустить» здесь не подходило – в Неву или же запечь в духовке? Примерно так же стоял для него вопрос о собственном будущем.

Он взошёл на Литейный мост. Поразительное безветрие, большая редкость для Петербурга в это время. Внезапно погасли фонари. Только этого не хватало. Горенов брёл вперёд, в темноту, не глядя по сторонам. А ведь далёкие фасады горели яркой современной подсветкой во мраке. Когда он только переехал, ему требовалось не меньше сорока минут, чтобы перейти здесь с одного берега Невы на другой. Слиш-

ком красиво.

Литейный мост – один из самых таинственных в городе. И дело вовсе не в легенде про камень Атакан, привезённый с древнего капища, который якобы покоится под ним. Дело в тридцать восьмом троллейбусе. Ходит ли он сейчас? Не так важно. Это имело значение, когда Георгию было десять лет. Они с отцом приехали в Ленинград в дни школьных каникул. Мама осталась в Таганроге. Она хотела отправиться с ними, но папа наотрез отказал. Мол, едем сугубо мужской компанией... Вдвоём. Жили тогда «у дядьки», который, как выяснилось впоследствии, вовсе не приходился Гореновым кровным родственником. В прошлом он был сослуживцем отца.

Его гостеприимная квартира располагалась не совсем на краю города, но всё же далеко не в центре, потому каждый день Гоша с папой катались на тридцать восьмом троллейбусе. Случалось, что они выезжали с утра на другом транспорте, поскольку дела у родителя бывали в разных концах Ленинграда, но вечерами неизменно оказывались в районе «Владимирской» и оттуда возвращались на тридцать восьмом.

Тридцать шесть – число игры. Тридцать семь – возраст тех, кто пережил Христа на четыре года. Да и вообще, две волшебные цифры подряд – тройка и семёрка. Впрочем, такие ли уж они «счастливые» в Петербурге? Три семёрки ознаменовали страшное наводнение, которое город пережил

в 1777 году. По легендам, именно оно убило княжну Тараканову, заточённую в полностью затопленном подвале комендантского дома Петропавловской крепости. На деле к тому моменту несчастная женщина уже два года лежала в могиле, скончавшись от чахотки, но известная картина Флавицкого, запечатлевшая то, как камеру узницы заливают Нева, традиционно затмила подлинную историю. Так или иначе, число тридцать восемь тоже пахнет волшебством. А вот тридцать девять – нет. Трижды тринадцать – это уж точно проблема.

Георгий помнил, как маленький Гоша, проезжая через Литейный мост в сумерках, вглядывался в тусклые фонари и огни далёких окон. Никакой подсветки тогда, разумеется, не было и в помине. Он вспоминал ощущение титанического, почти бесконечного по его детским провинциальным меркам города вокруг. Колосса, которого он толком не видел, но то ли угадывал, то ли ощущал кожей, то ли предчувствовал. Этот гигант не был страшным в своём исполинском могуществе, он скорее казался огромной загадкой, фантастической игрой. Тогда, переезжая мост изо дня в день, Гоша чувствовал, как становится старше. Много ли было этих дней? Штук восемь, не больше, но вырос он за это время здорово. И понял, что будет... точнее, что очень хочет жить здесь. Для моряка – не бог весть какая несбыточная мечта. Но судьбе было угодно сыграть с Гореновым куда более сложную партию.

Теперь смотреть по сторонам не хотелось совсем. Привык? Стал местным? В таких случаях Георгий вспоминал,

как ненавидит костлявую недорыбу корюшку, которая считалась излюбленным лакомством горожан. Ряпушку он тоже ни во что не ставил, но она сама куда-то пропала...

Нельзя сказать, будто ощущение того, что он в городе «свой» или, точнее, восприятие города как «своего» нравилось Горенову. Скорее настораживало и удивляло. «В любом месте нужно чувствовать себя приезжим», – сказал ему кто-то. Такая незатейливая мысль нравилась Георгию. Чьи это слова? Вычитал? Похоже на Конфуция. А может, сам придумал. Или море нашептало.

Неужели теперь он останется здесь навсегда? Поверить невозможно. Если Петербург – его дом, то почему он чувствует себя здесь таким уязвимым и уязвлённым? Это дома-то! Горенов шёл вперёд с красивой рыбой и тревожными мыслями, пока кто-то не гаркнул слева:

– Сом... Сом!

Он остановился. В темноте никого не было видно. Показалось? Но слишком уж отчётливо Георгий услышал своё заветное, тайное имя. Это был кто-то не чужой. Быть может, ещё не знакомый, но важный... Даже – самый главный. Поэтому, не разобравшись, уходить отсюда нельзя. Горенов долго вглядывался в темноту. Фары проезжающих мимо машин не высветили никого, кроме бездомной собаки. Странно это всё.

Он двинулся дальше. Обратно стоило поехать на метро. Сейчас Георгий пребывал в том редком для себя настроении,

когда прогулка расстраивала ещё больше. Каждый барельеф, каждая скульптура – особенно кариатиды – лишь прибавляли тревоги и сомнений своей каменной гармонией, переживающей людей и пережёвывающей время. Стоило спуститься под землю прямо у издательства. В метро иногда удаётся забыть, что ты в Петербурге, взять передышку. Горенов решил сесть на ближайшей станции и отклонился от запланированного маршрута.

По этой улице он ходил редко, уж слишком здесь многолюдно. В иных обстоятельствах Георгий наверняка выбрал бы другой путь, но хотелось как можно скорее добраться до подземки. Вывеска ювелирного магазина на противоположной стороне улицы привлекла его своим голубым сиянием. Казалось, Горенову там ничего не было нужно, но почему-то он всё равно направился к двери. Оттенок света витрины полностью совпадал с недавним рыбным. Занятно. Откуда ни возьмись, возникло желание сделать подарок дочери. Единственная приятная мысль за сегодня. Возможно, такая идея пришла даже раньше, чем Георгий увидел магазин, но теперь уж кто разберёт?

Он вошёл едва ли не инстинктивно, не отдавая себе отчёта в происходящем, не зная, что конкретно собирается купить. Голова наполнилась разрозненными соображениями, объединёнными минорной тональностью, однако, когда Горенов оказался перед прилавком, в ярком свете разноглазых галогеновых ламп, все их смыло набежавшей невесть откуда

волной. На некоторое время он вообще потерял способность думать, потому что перед ним стояла Ольга.

При хорошем освещении в ней обнаруживалось заметно меньше красоты, стали видны изъяны на коже, болезненная бледность, совершенно не модная в наше время. При этом проявилось ещё больше душеубийственной вульгарности – как раз того, что делало её такой соблазнительной. Хватит книжных дам с замками из песка и облаков!

В отсутствие клиентов девушка стояла с довольно глупым выражением лица. Тем не менее оно гармонировало в ней со странной грацией, которая будто бутон или словно пасть змеи раскрывалась, стоило Ольге вспомнить про улыбку и начать двигаться. «Мама, что мы будем делать, когда она двинет собой?»

Горенов отметил это завораживающее качество: на каждый новый недостаток в ней незамедлительно находилось превосходящее его достоинство. Он был готов наблюдать этот волнообразный процесс самосовершенствования бесконечно. По счастью, на физиономии Георгия не проявилось дураковатой улыбки под стать мыслям. Впрочем, какая уж тут улыбка? Восхищение плавно отступало перед нарастающей тревогой. Действительно жутковато: совпадения совпадениями, но это уже почти материализация идей.

Девушка не могла не ощутить на себе взгляд такого небритого мужчины. Тем более что о его визите её предупредил дверной колокольчик. Заметив гостя, она немедленно верну-

ла лицу выражение приветливой игривости.

– Добрый вечер, я могу вам чем-нибудь помочь, – фраза вовсе не звучала как вопрос, однако подразумевала ответ.

– Да... Здравствуйте. Вы знаете, я ищу подарок.

Горенов не был мерзляком, потому всё ещё не носил перчаток в это время года. Не касаясь последствий данного обстоятельства для галантерейной промышленности, следует отметить, что в деле торговли ювелирными изделиями оно позволяло экономить время. Барышня мастерски за мгновение нашла взглядом оба безымянных пальца. Проверять нужно всегда два, поскольку перепутать, где право, а где лево, может и покупатель, и продавец.

– Что бы вы хотели? Кольцо? Серьги? Брошь? Простите за такой вопрос, но, если вы скажете мне, сколько лет вашей девушке, я смогу подыскать что-то более подходящее.

– Это не для девушки... – Такой вариант надо было немедленно и резко отрицать. – Я думал... Подождите... Вы же – Ольга?

Обескураженный Георгий решил играть ва-банк. Очевидно, она его не узнала. Что ж, придётся изображать, будто с трудом вспомнил её имя. Хотя кто кого здесь должен узнавать?! В его фантазии события развивались иначе. Барышня говорит: «Ваше лицо мне кажется знакомым. Я могла вас видеть раньше?» А он: «Смотря где... Если во сне, то это точно был я».

– Нет... – ответила девушка и моментально сняла улыбку

с лица, словно немодный бант.

– Как нет? Вас же Ольгой зовут?

– Нет, говорю вам, – ответила она и инстинктивно сделала небольшой шаг в сторону.

Воцарилась тишина. Похоже, их знакомство уже ничто не могло спасти. А уж как это унизительно! Доводить абсурд до предела, рассказывая ей, кто он такой и где они совсем недавно виделись, Горенов не решился. «Что ж за день?!» Ладно, в конце концов теперь ему известно место её работы, а значит, ничто не помешает снова прийти в этот магазин с букетом цветов... Побрившись... Правда, не очень понятно, зачем это делать, если она отрицает собственное имя. А признает ли, что её мужа зовут Уильям?

Из последних сил Георгий изобразил достоинство, пожал плечами и направился к выходу.

– Подождите... – вечно модная брошь улыбки вновь засияла. – Я вас вспомнила. Вы – писатель. Я у вас книжку подписывала... Это было для мамы...

Наконец-то, первое за сегодня подобие успеха. Горенов вернулся к прилавку.

– Так вас не Олечкой зовут, – прозорливо предположил он, глядя на прелестное дитя Шекспира.

– Нет, это моя мама. А Уильям – отчим. Они в Испании живут. Она там читает ваши книжки. Говорит, без них ей было бы совсем тоскливо за границей. Мама в интернете увидела, что будет презентация и попросила меня сходить за ав-

тографом.

С отцом опять вышла промашка, но это не так важно. Сколько магнетического смущения внезапно открылось в ней!

– А ваше имя?..

– Вика.

– Ах вот как... И вы, стало быть, меня никогда не читали? – спросил Георгий, уже по-хозяйски опершись на прилавок, с лёгким как бы упрёком. Неужели сегодняшняя полоса препятствий осталась позади? Уф-ф-ф. Барышню удалось смутить, это важно!

– Не читала... – призналась она. – Но я обязательно прочитаю.

– Это обнадеживает... А почему вы тогда спросили о том, сколько я пишу в день? – наступал Горенов.

– Даже не знаю... – девушка пожала плечами. – Мама любит ваши книги... Часто говорит он них... А вы так хорошо рассказывали... Мне хотелось о чём-то вас спросить, но я совсем не знала о чём.

– И вы подумали, что любой труд измеряется количественно, – закивал Георгий снисходительно и как бы понимающе.

– Наверное, – улыбнулась она так трогательно и незащищённо.

Дальше идти в этом направлении рискованно, так можно было закрыть тему постели навсегда, оставшись в статусе

недосягаемой вершины. Нужен был резкий скачок в сторону, куда-то подальше.

– А что же вы не живёте с родителями в Испании?

Девушка замялась.

– Я бывала там... Мне не очень нравится, честно говоря...

Удобно, если по лицу так отчётливо видно, когда она врёт. Барышня не совсем откровенна, и это тоже нравилось Георгию. Что вообще ему в ней не нравилось?! Правильно, правильно, нечего первому встречному выкладывать всё, как есть. Ты же ещё ничего о нём не знаешь, хотя, быть может, догадываешься, что у него на уме. Значит, не дура.

Судя по цвету кожи, Испания была давно. Конфликт в семье? Скорее всего – с отчимом. У матери другие дети? Родители – ламанчские бомжи, тратящие всю милостыню на книги Горенова? Уильям – растлитель и извращенец, потому Ольга скрывает дочь? Опять какая-то «Лолита» получается. В Испании они содержат небольшой бордель и не хотят, чтобы Вика об этом узнала? Масса сюжетов.

– А вы собирались купить что-то? Показать вам какое-нибудь украшение? – девушка тоже торопливо сменила тему. Умница! – Если вам ничего здесь не понравится, я принесу ещё...

Как она себя ощущает в этих стенах? Что для неё значат окружающие блестящие предметы? Отечественные продавцы преимущественно рассуждают о трудоустроивших их магазинах отстранённо и индифферентно. Слово место рабо-

ты для них ничуть не менее чужое, чем для переступивших порог потенциальных покупателей. Георгия поражало, как на Западе каждый сотрудник даже самого заштатного супермаркета на вопрос: «У вас есть то-то?» – отвечал: «У меня есть. Пойдёмте, покажу». Пусть этого продавца взяли на работу вчера, он уже воспринимает всё вокруг своим. Сколько смысла в этом «у меня». В России, как максимум, можно услышать «у нас», да и то... С какой стати «у меня»?! За подобное отношение велик шанс и от начальства схлопотать...

Как многие особенности речи, это обнажало другой взгляд на другой мир. Он был не лучше и не хуже, просто дважды другой. Русский продавец, казалось, сообщал: дорогой гость, мы с тобой одной крови, мы оба здесь чужие, и мне тут нравится ничуть не больше, чем тебе.

– Во-первых, больше всего я хотел найти вас, – на этот раз Горенов несколько не лукавил. – Видите ли, я переживал... Всё-таки на тот вопрос мне пришлось отвечать слишком торопливо... Да и было много людей. В общем, я готов рассказать подробнее, если хотите.

Девушка опустила глаза. Перебор?.. Не перегибай палку, ты уже не мальчик, чтобы нести такую нелепицу. Кстати, может, эту карту тоже стоит разыграть – что ты не мальчик?

– Кроме того, мне действительно нужны серёжки...

Теперь – пауза. Вика не поднимала взгляд. Вообще говоря, это тревожный знак.

– ...для дочери. Она примерно ваших лет, ей семна-

дцать, — примитивный комплимент. Никто бы не дал девушке меньше двадцати одного. Пару годков она пока взяла у времени займы, значит, ей где-то двадцать три. Отдаст потом. В любом случае не тот возраст, в котором особенно приятно слышать подобные слова.

— А что она обычно носит?

Вика немного оживилась и взглянула заинтересованно. В беседе появились для неё хоть какие-то перспективы. Георгий же оказался в тупике. Про серую кофту он решил не упоминать.

— Знаете, вы с ней очень похожи. Кстати, какие у вас прекрасные серьги! Быть может, мне стоит купить такие же?

Золотые серёжки витиеватой формы, в которой можно было увидеть хоть корягу, хоть изгиб ладони, кисти руки или ягодицы, не шли даже Вике с её миниатюрными ушками. Правда, это скорее давало надежду, ведь то, что хорошо одной женщине, редко в равной мере подходит другой. Горенов прекрасно понимал, что несёт ахинею, они с Леной были практически антиподами, но он сейчас говорил не для Истины, а для Вики.

Серьги оказались не из дешёвых. Отец никогда не делал дочери таких дорогих подарков, но идти на попятный было невыносимо. Повезло же Ленке! И ему. Ничто так не сближает современных людей, как оформление сделки, хоть самой пустяковой. В ходе разговора, упаковки, пробивания чека они смеялись, он предложил перейти на ты, она оставила

свой номер телефона.

– Я позвоню. Скоро увидимся, – радостно пообещал Георгий.

– Подожди. Давай сделаем селфи, можно?..

Горенов с улыбкой изобразил неудовольствие, но согласился.

– Давай там, у зеркала. Не волнуйся, я не буду нигде выкладывать, только маме отправлю.

В голове Георгия мгновенно родилось ещё больше сюжетов из их семейной жизни.

Теперь ему снова не хотелось ехать на метро. Он вернулся к первоначальному маршруту и энергично зашагал в сторону дома. Вообще, отступать от планов, нарушать придуманный или даже спонтанный, возникший по наитию порядок Горенов не любил. Что заставило его отклониться от курса? Нет, это, безусловно, было замечательное и верное решение, но как оно пришло к нему? Мост, темнота, собака... С чего всё началось? Ах да, Истина, вылезающая из колодца. Наконец можно вернуться к размышлениям о ней. С Ольгой... то есть с Викой всё решено. Через некоторое время он ей позвонит. А что до книги G, то пока дело за Люмой... Честно говоря, слишком многое зависело от того, совладает ли она с обидой.

Георгий попытался сосредоточиться на своих снах и картине, но его ждало неприятное открытие. Про колодцы думать было, собственно, нечего. Новых сведений не поступало, намёки отсутствовали, интуиция безмолвствовала. Просто гора, на ней – каменные жерла. Потом, наяву – книга, в ней – женщина. И что? Бессилие раздражало и мучило. В море во время шторма ты тоже не можешь ничего сделать, будучи не более чем щепкой во власти стихии, однако подобное ощущение бессилия там почему-то его не посещало никогда.

Горенов резко свернул во двор-колодец. Внезапный по-

рыв. Казалось, он ничего не выбирал, это была первая попавшаяся арка, но... Что за чудо, именно сюда они когда-то заходили с отцом. В центре тогда стояла какая-то будка с решёткой. Папа рассказывал, что это вход в бомбоубежище. Маленький Гоша был поражён: как всё продумано! Как славно и мудро устроено! Его воображение рисовало огромные подземные города с реками и садами. Люди, всемогущие «взрослые», предусмотрели и построили необходимое на любые случаи жизни! Война и мир, счастье и несчастье, потоп и беспощадный огонь, но мы будем в порядке всегда!

Теперь взрослым оказался он сам, а будка – это либо какая-то вентиляция, либо трансформаторная подстанция. Разобраться уже невозможно, потому что её давно нет. Не нужна. Но почему отец тогда говорил про бомбоубежище? Он действительно так считал? Трудно предположить, будто папа в своём возрасте верил в подземные города. Или ему хотелось впечатлить сына, «заразить» таким совершенным и безопасным Ленинградом, куда Горенову-старшему перебраться так и не удалось.

Было ли это всё? Георгию шёл четвёртый десяток, и далёкие воспоминания существовали в его голове в столь же летучем, газообразном состоянии, что и сны. Может, никогда не возвышалось здесь никакой будки, не было отца, не было детства. Всё приснилось. Или, скажем, детство всё-таки имело место, даже папа случался, но посреди двора стоял колодец. Такой широкогорлый, каменный, крепкий, из кото-

рого тогда на Гошу впервые бросила беглый взгляд Истина. Потом Горенов об этом накрепко забыл. Колодец снесли и засыпали. Не нужен. Много раз с тех пор Георгий приезжал в этот город с надеждами. Почти все – с маленькой буквы, но одна – его молодая жена – была с большой. И теперь он начал вспоминать. Медленно, постепенно. Наверное, дело в том, что однажды во время прогулки черты Медузы на решётке Летнего сада показались ему неумолимо знакомыми и всколыхнули прошлое. Всего, кстати, парковый ансамбль огораживают тридцать шесть столбиков с одинаковым лицом. Вот оно, число игры. На какой из них ставить? Каковы правила?

Новые мысли клубились в голове, но не прибавляли ясности. Всё усиливалось ощущение, точнее уверенность, будто сон с колодцами, быть может, – самое важное из случившегося с ним за последнее время.

Не хотелось сомневаться в том, что это как-то связано и с книгой Г. Горенов знал: море, которое владеет автором, впадает в тёмный океан, где писателям и поэтам плавать нельзя. Люди не выживут. Так далеко тексты отправляются одни. Разумеется, не любой последовательности букв это под силу. Там они сами за себя и активно противостоят собственной невозможности, своему естественному небытию. Но как провести границу между морем и океаном? Как по ошибке не заплывать слишком далеко?

В голове возник один случай из давнего прошлого. Помнится, таганрогские газеты долго его обсуждали. Однажды

на пляж пришёл некий человек. Его никто не знал. Видимо, он был не из местных. Приезжий. Почти у самой воды неизвестный нашёл местечко между разморившимся на солнце семьями. Аккуратнейшим образом он сложил одежду и полотенце в полиэтиленовый пакет, придавил его камнем, после чего отправился купаться. Человек входил в воду медленно, словно сомневаясь. Впрочем, это, зная конец истории, кажется, будто он не был уверен. Шёл шаг за шагом, а когда стало глубоко, оттолкнулся от дна. Он плыл и плыл всё дальше от берега. Никто не смотрел на него, никто не заметил, как голова медленно исчезает из вида. Только вечером, когда на пляже остался один пакет, люди поняли, что кто-то не вернулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.